

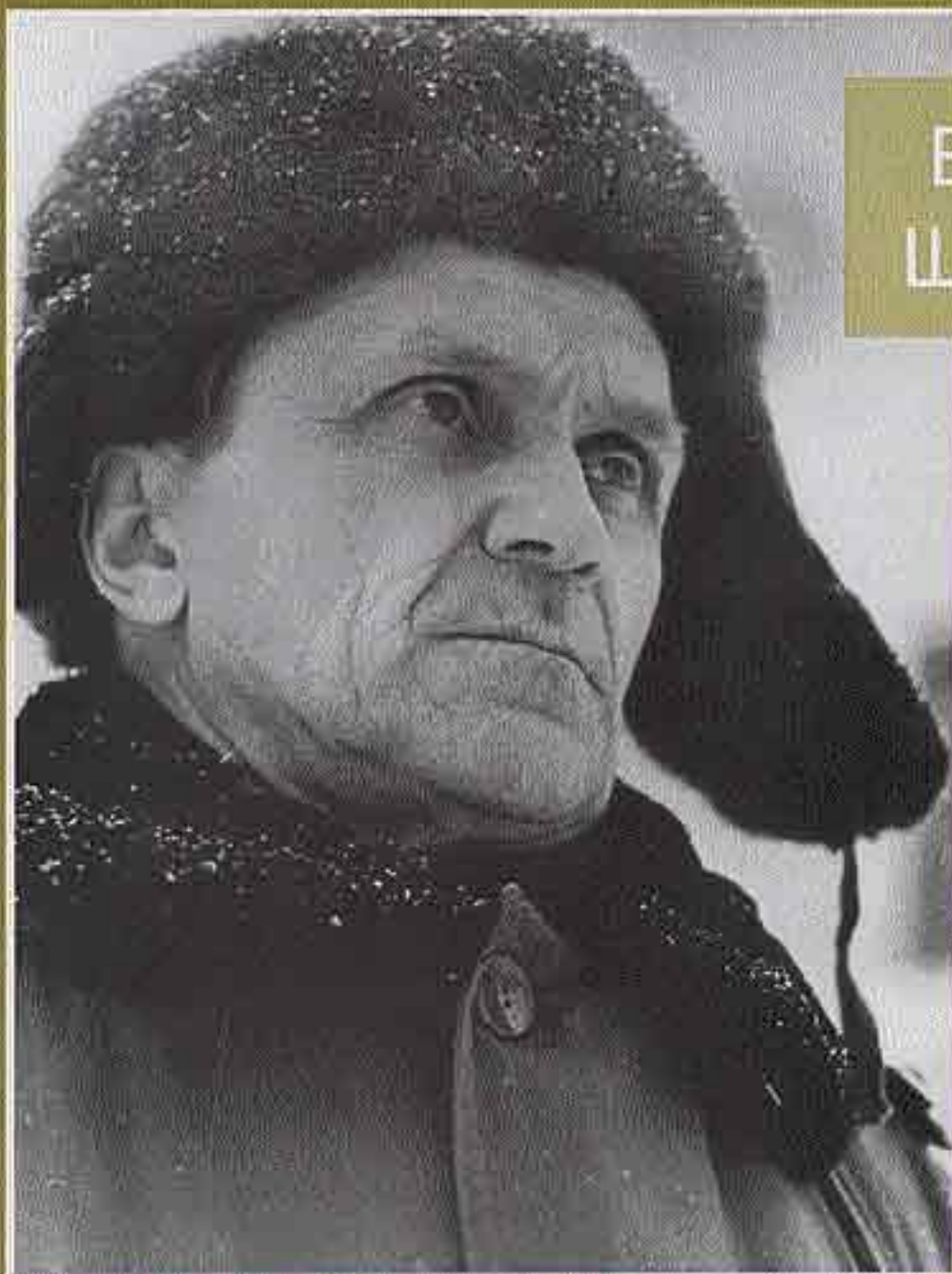
ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 64-й

#1579

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Варлам
Шаламов

Почему я пишу? Я не верю в литературу. Опыт гуманистической русской литературы привёл к кровавым казням перед моими глазами и доказал, что литература – нуль. История повторяется. Любой расстрел 37-го года может быть повторён. Так почему же я всё-таки пишу?

№4
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор: *А.М. Самойлова*
Вёрстка: *М.Ю. Родионов*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

Отпечатано в ООО «РПЦ ОФОРТ» 105037, Москва, гор. им. Баумана, д. 2, стр. 2.

Заказ № 4107

ПОСЕВ

№ 4 (1579) апрель 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ	
Взгляд со стороны	3
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Андрей Буровский.	
Дети Российской империи	7
Сергей Маркедонов. Исторический фронт «Пятидневной войны» на Кавказе	10
Татьяна Артёмова.	
Заколдованные заповедники	13
Александр Рудницкий. Что мы потеряли? ..	18
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Николай Браун. «Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее...»	21
Антон Васильев. Виноватая Америка	27
Галина Касабова. Историю Норильска пишем коллективно... ..	29
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Александра Свиридова. Шаламов	31
Татьяна Жилкина. «Журнал с прекрасной и трагической судьбой»	35
Говорят читатели журнала «Грани»	37
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
Валерий Сендеров.	
«Если и все – то не я!»	40
КНИГИ И ЛЮДИ	
Борис Соколов.	
Анатомия террора	42
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Провинциальная школа	46
ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ	
Юлия Садовская.	
Николай Николаевич Никулин	50

Газета «Взгляд» недавно сообщила, что у памятника Ленину на Финляндском вокзале в Петербурге могут появиться еще два монумента: по правую руку – Крупская, по левую – Арманд (публикация «Ленина окружают женщины»).

Накануне 8 марта Идеологическая комиссия ЦК организации «Коммунисты Петербурга и Ленинградской области» распространила заявление, в котором говорится, что Надежда Константиновна Крупская и Инесса Федоровна Арманд – это «две светлые русалки русской революции, дарившие Ильичу вдохновение, наслаждение и волю к борьбе». Врезка к публикации гласила: «Женщины и девушки России! Боритесь за своих мужей, как товарищ Крупская! Бейтесь отчаянно за свою любовь, как товарищ Арманд!» Молва уже придумала продолжение: «И тогда объект ваших усилий поставит страну на уши».

На сайте коммунистов роль обеих вышеупомянутых дам в судьбе вождя описана достаточно откровенно: «Женщины, которым принадлежало сердце Владимира Ленина, владели искусством любви в совершенстве...»

Но всё вышло по-другому.

Ранним утром 1 апреля, около четырёх утра, несколько неустановленных лиц закрепили на памятнике самодельное взрывное устройство мощностью примерно в фунт (400 граммов) тротила. Им пришлось постараться, так как высота памятника достигает почти 10 метров (бронзовой статуи – около четырех с половиной метров, а постамента – более пяти). Взрывное устройство было заложено между ног вождя, в результате взрыва у Ленина вырван кусок пальто.

Больше никто не пострадал.

Взрыв памятника Ленину в Петербурге взял на себя «Залесский летучий боевой отряд». Мотивы акции они объясняют так: «Ленин и его последователи совершили преступление против человечества, не имеющее срока давности. Исходя из этого, мы считаем целесообразной ликвидацию памятников советским правителям, и в первую очередь памятников Ленину».

Памятник Ленину у Финляндского вокзала был одним из первых произведений монументальной скульптуры советского периода. Монумент отражал один из ключевых моментов революционной истории. 3 апреля 1917 года Ленин прибыл из эмиграции в Петроград, и, поднявшись на башню броневика, выступил с призывом к социалистической революции. Бронзовые части памятника были отлиты в бронзолитейной мастерской завода «Красный выборжец» на Свердловской набережной. С Онежского озера специально для постамента был привезен серо-черный гранит.

«Вождя» до ремонта, заключили в специальный саркофаг. Вопрос о демонтаже Ленина не рассматривается, но были высказаны предложения снять его вместе с броневиком, а на освободившееся место перед Финляндским вокзалом поставить памятник герою Первой мировой войны, Георгиевскому кавалеру и генерал-лейтенанту русской службы барону Карлу Густавовичу Маннергейму.

Покушение на Ленина у Финляндского вокзала вызвало цепную реакцию. 2 апреля в Пятигорске неизвестные облили черной краской наскальный портрет Ленина на горе Машук.

3 апреля в Украине в городке Рубежное Луганской области взорвали памятник Ленину, серьезно его повредив. На Урале владельцы тиров охотно скупают у населения старые гипсовые бюсты Ульянова...

Ранее, в Барнауле в протянутую руку изваяния вложили бутылку пива. В одном из поволжских городков Ленину ночью приварили к голове металлическую кепку, в то время как свою, оригинальную предсовнаркома сжимал в руке. А год назад в районном центре Троицкое, на Алтае, трудящиеся украли у вождя голову, которая не найдена до сих пор.

Как к этому относиться? Тяжеловесные чиновные словосочетания, например, «Это часть нашей истории», «Прошлое не вычеркнешь», «Не надо радикализма», на самом деле скрывают полное равнодушие и к прошлому, и к будущему. Есть исторические деятели, памятников которым в цивилизованной стране, наверное, не должно быть в принципе. За исключением специально отведённых локализованных пространств. Тогда никто не будет на них покушаться.

В Москве впервые в России 28 марта 2009 г. в Большом соборе Донского монастыря была организована панихида по генералу Николаю Николаевичу Юденичу и воинам Северо-западного фронта и Белого движения. Поминальная церемония приурочена ко дню поминаения усопших, к 93-летию завершения Эрзерумской, Трапезундской и Эрзинджанской операций, проведенных ген. Юденичем в 1915–1916 гг.

Были возложены венки и цветы к могилам генералов Антона Ивановича Деникина и Владимира Оскаровича Кашеля, философа Ивана Александровича Ильина, военного священника протоиерея Александра Киселева, убитого чекистами Якова Полозова – келейника Патриарха Тихона, к мраморной доске казнённым священнослужителям, установленной на стене Малого храма Донского монастыря.

Инициаторами выступили такие организации, как «Московский Казачий Стан», «Добровольческий корпус», «Память Чести», «Дворянское собрание», потомки белых офицеров. Обсуждается вопрос о перезахоронении генерала Н.Н. Юденича в Донском монастыре.

Взгляд со стороны

Интервью журналиста Валерия Сандлера с директором Содружества «Посев» (Москва) Б.С. Пушкарёвым, опубликовано в № 708 американской русскоязычной газеты «В Новом Свете». Печатается с незначительными авторскими поправками.

Сергей Германович Пушкарёв

Наконец-то почта доставила мне книгу, появления которой я ждал с тех пор, когда впервые попросил ее автора об интервью. Отказа не встретил – лишь ответную просьбу «повременить до выхода книги» и обещание «позвонить, когда приеду в Штаты».

На обложке – просто и коротко: «Б.С. Пушкарёв. Две России XX века. 1917–1993». Две цифры – а, сколько крови утекло между ними!..

Сын русских эмигрантов, родившийся за пределами России, большую часть жизни проведший в Америке, активный деятель Народно-Трудового Союза, Борис Пушкарёв последние полтора десятка лет живет в Москве, где возглавляет издательский дом «Посев». На мою удачу, он и его жена, журналист и поэт Ираида Легкая, проводили лето на своей американской даче в Адирондакских горах...

– **Борис Сергеевич, вам никто не говорил, что читать вашу книгу страшно?**

– В одной из рецензий так и было сказано: страшная это книга.

– **Она читается как обвинительное заключение коммунистическому режиму. Вы именно такую цель ставили, приступая к работе над ней?**

– Мы собирались писать историю сопротивления советской власти. Но возник вопрос: а что конкретно вызывало сопротивление? И мы поняли: необходимо параллельно писать историю двух России – советской и антисоветской. Преступления коммунистического режима мы, конечно же, отражаем, но я бы не сказал, что это было нашей первичной задачей.

– **«Мы» – это кто? На обложке только ваша фамилия...**

– ...а на титульном листе – еще шесть – моих соавторов: Кирилл Александров, Сергей Балмасов, Василий Цветков, Юрий Цурганов, Вячеслав Долинин, Александр Штамм. Каждый из них писал в своей предметной области реферат, к примеру: про Белое движение, красный террор, народные восстания, коллективизацию. Выдержки оттуда вошли в общую ткань книги.

Борис Сергеевич Пушкарёв

– **Вы закончили архитектурный факультет Йельского университета. Не вижу связи между архитектурой и историей России, которой посвящена книга.**

– Архитектором я никогда не работал, был исследователем, этот метод отразился и на структуре книги. Я сперва нахожу ряды чисел, из них выстраиваю графики или таблицы, а потом уже вокруг них пишу текст. А связь с историей идет через моего отца, историка Сергея Германовича Пушкарева. Он был оставлен при Харьковском университете для подготовки к профессорскому званию, но в 1919 году вступил добровольцем в Белую армию; в ноябре 1920 года с войсками Врангеля эвакуировался из Крыма и оказался в Праге. Туда к нему сумела вырваться из Ленинграда его будущая жена – моя мама, Юлия Тихоновна Попова, и там я родился в 1929 году.

Отец служил в Славянском институте чешской Академии наук. Книга «Обзор русской истории», задуманная им еще в Праге, но вышедшая в 1953 году в США, разошлась после 1990 года более чем сотысячным тиражом в России. После того, как мы эмигрировали в Америку, отец до 90-летнего возраста писал и вел исследовательскую работу, я ему был вроде ассистента. Это первый этап.

Второй – когда мы в Москве издали отцовскую книгу «Россия 1801–1917». Обе книги обрываются на 1917-м годе, потому что отец не считал себя вправе писать о современности, не имея свободного доступа к источникам. Теперь вокруг меня в Москве сложилась группа молодых профессиональных историков, совместно мы продолжили труд моего отца.

– **Вы 40 лет прожили в Нью-Йорке, работали в Ассоциации регионального плана, выпустили на английском языке несколько книг на темы о городском транспорте, стали профессором университета, а, выйдя на пенсию в 1990 году – уехали во Франкфурт для работы в аппарате НТС. Что вас связывает с этой организацией, далекой как от архитектуры, так и от транспорта?**

– После войны мы с родителями оказались в Западной Германии, в лагере для перемещенных лиц. Там, как и многие мои сверстники, в 1947 году я вступил в НТС, цель которого – борьба за Россию против советской власти – была мне понятна и близка. Два года спустя отец получил визу на эмиграцию в США. Ехать туда я не хотел. Да и руководители НТС советовали мне остаться, рисовали планы развития нашего общего дела.

Родители же считали, что я, получив в Америке образование, обретя независимость, смогу оказывать организации более существенную поддержку. Время показало, что они были правы. В марте 1990 года, через четыре месяца после того, как рухнула Берлинская стена, и Россия оказалась на пороге революции, я уехал во Франкфурт, а через два года – в Москву.

– **Но впервые в России Вы побывали задолго до этого... Как прошла встреча?**

– Это был год ленинского 100-летия, 1970-й, я приехал переводчиком при группе американских архитекторов, привез сумку «антисоветской» литературы. В аэропорту Пулково таможенница спрашивает: «Что там у вас, личные вещи?» – «Да, – говорю, – личные». – «Ну, проходите...». Из аэропорта нас привезли в гостиницу у Парка Победы. Было, наверное, два часа ночи. Скажите: мог ли я спокойно лечь спать? Я что, ненормальный?!

– **Нет, вы бросились целовать землю предков!..**

– Никакую землю я не целовал, я к Неве отправился, не представляя, что до нее километров девять. Дошел до набережной, увидел, как сияют знаменитые ансамбли в свете белой ночи, – и обратно. В гостиницу вернулся под утро, дежурная устроила мне взбучку: куда, мол, девался? Да никуда не девался, вот, пришел к завтраку... Были интересные встречи и в Ленинграде, и в Москве. Все очень симпатично...

В 1989-м я снова приезжал туда, открыто общался с людьми, опубликовал об этом большой репортаж в «Посеве», за что и попал в «черный список» КГБ. 25 декабря 1991 года эта контора вместе с СССР прекратила свое существование, а раз ее нет, то нет и «черного списка», поэтому в марте следующего года я по приезде в Москву снял квартиру, а через полтора года обзавелся собственной. С тех пор живу там с короткими перерывами.

– **Вы уверены, что КГБ и «черные списки» приказали долго жить?**

– Уверен, что списки, в которых значилась моя фамилия, давно перестали быть действительными. Само ведомство – не то, что было. Пусть там остались те же люди, но подчинение у них другое.

– **Кто-то стремится оттуда, а вы – туда. Значит, Вас устраивает сегодняшняя ситуация в стране, в которую вы вернулись?**

– Устраивает, не устраивает... Я вернулся в страну переходного периода, и этот период обещает быть долгим. Для меня важно, что в этой стране можно делать то, что меня интересует, в других странах я бы этого делать не мог. Книга, которую вы держите в руках, не могла бы быть написана вне России, в отсутствие нужного объема информации о Белом движении, о диссидентстве, о советском быте и о многом другом. Все это стало доступным благодаря моим соавторам. Такова реальность.

– **Издательство «Посев», которое вы возглавляете, в свое время немало сделало для крушения советского строя: книги, листовки, газеты, журналы. А чем оно занято сегодня?**

– Книги нашего издательства ставят целью сохранение преемственности от досоветской России и сопротивления советскому режиму. Мы хотим восстановить правду о прошлом и дать положи-

тельный идейный импульс на будущее. Издаем альманах «Белая гвардия», выпустили серию исследований о восстаниях – Ярославском, Ижевском, Тамбовском, уникальный альбом «Белая Россия» с множеством ранее не публиковавшихся фотографий. Издаем серию толстых томов «Белые воины» о руководителях Белого движения – Дроздовском, Каппеле, Маркове, Дитерихсе.

Недавно издали «Записки корниловца», автор которых, Александр Трушнович, в 1914 году перешел из австро-венгерской армии на сторону русских, потом сражался в рядах Белой армии, уцелел и жил в СССР до 1934 года. Он рисует ныне уже забытую картину ранних лет советской власти, нэпа и коллективизации. Мы издали написанный при жизни моим отцом учебник истории «Россия 1801–1917»...

– Не опасаетесь, что настанут времена, когда литературу издательства «Посев» вновь назовут подрывной и начнут преследовать по законам, которые придут на смену нынешним, более-менее либеральным?

– Отдельные персонажи этого, возможно, хотели бы, но я уверен, что постепенно наши идеи начнут...

– ...овладевать массами?

– ...усваиваться деятелями правящего слоя. Есть прецеденты сотрудничества с представителями власти. Без помощи, оказанной одному из наших спонсоров, предпринимателю Александру Николаевичу Алекаеву, было бы невозможно организовать установку памятника генералу Сергею Леонидовичу Маркову в Сальске или перевезти гроб с прахом генерала Владимира Оскаровича Каппеля из Харбина в Москву. Недавно вышел журнал «Родина», официальный орган Администрации президента России, он рассчитан на массового читателя и полностью посвящен истории Белого движения. Большую часть статей для него готовили наши авторы. Конечно, признать, что генерал Власов – не предатель, пока нельзя, но со временем и это случится...

– Уже случилось: хорошо знакомый вам Владимир Батшев выпустил четырехтомник о Власове...

– Но где? В Германии. К тому же тома эти очень компилятивные, там и о Еве Браун, и о Геринге, и о ком угодно. Куда более солидные книги вышли в 2006 году в России – например, «Армия генерала Власова. 1944–1945», автор Кирилл Александров.

– Вам не кажется, что российские власти пытаются если не реставрировать павший режим, то хотя бы обелить его, выдав преступления коммунистов против собственного народа за отдельные ошибки, исторические факты – за клевету со стороны «проклятого Запада»? Многие россияне эту позицию разделяют. А тут еще вы со своей книгой!..

– Надо пробивать дыры в этой завесе! Для того мы и писали книгу. Она опровергает советский

взгляд на Гражданскую войну, на террор белый и красный, на коллективизацию, на Вторую мировую войну, на распад СССР. Мы подробно освещаем вопрос советского экономического роста, стараемся найти достоверные оценки урона, понесенного населением от череды демографических катастроф. На каждом этапе советского периода стараемся осветить судьбы Православной Церкви, а равно и судьбы эмиграции.

– Цель благородная, но... Вы не боитесь быть преданным анафеме за то, что, открывая людям правду, «льете воду на мельницу врага»?

– Пока попыток предать нас анафеме не было. Хотя кое-кому мы такой повод давали. Например, в 2005 году «Посев» выпустил «Черную книгу имен, которым не место на карте России». В нее вошли 122 очерка разных авторов о лицах, понятиях и событиях, которые наиболее часто встречаются в оставшихся от советского времени наименованиях улиц, площадей, населенных пунктов: Ленин, Дзержинский, 26 бакинских комиссаров. Сегодня не встретишь улицу имени Сталина или Молотова, зато название одной из станций московского метро сохраняет имя цареубийцы Войкова, храм-памятник на месте убийства царской семьи в Екатеринбурге построен на улице Карла Либкнехта, Санкт-Петербург окружает Ленинградская область...

– Не томите! Кто включен в «Черную книгу»? Наверняка есть там Павлик Морозов, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская. Кто еще?

– Возможно, вас это удивит, но в списке лиц, чьи имена, по мнению авторов сборника, не следует сохранять в российской топонимике, присутствуют Герцен, Кропоткин и Плеханов, Горький и Маяковский.

– А они-то кому и чем не угодили?

– Первые трое – своими революционными идеями помогли разрушать, а не созидать российское государство; последние двое в своих писаниях поощряли коммунистический террор.

– Наживете вы себе врагов этой книгой!

– Не наживем. Она стала бестселлером, уже раскуплено около пяти тысяч экземпляров, а спрос по-прежнему высокий. Одна-единственная отрицательная рецензия появилась в газете «Советская Россия» – и то еще до выхода «Черной книги» из печати.

– Давая книге название «Две России XX века», могли ли вы полагать, что в новом, XXI веке, мир увидит, условно говоря, третью Россию, не похожую на две предыдущих?

– Я предсказаниями не занимался. Хотя, когда лет тридцать назад мы с Эрнстом Неизвестным рассуждали на тему – скоро ли советской власти наступит конец, и каким он будет, Эрнст выдал свое знаменитое изречение: «Крушение советской власти невозможно и... неизбежно». Мы гадали – каким образом эта невозможная неизбежность произойдет, а Дмитрий Сеземан – писатель, живущий в Па-

04/2009

риже, даже написал на эту тему роман «В Москве все спокойно»...

Вы правы, сейчас миру явилась третья Россия. Мы-то думали, что новой Россией станет та, которая сопротивлялась коммунистическому режиму, а получился некий гибрид, и в книге есть тому объяснение: это произошло в силу парадоксального характера революции 1991 года.

– **В чем ее парадокс?**

– В том, что свержение власти КПСС прошло под знаком легитимности, защиты от заговора ГКЧП. Даже листовка, выпущенная в те дни НТС, гласила: «Защитим законную власть!». Имелся в виду избранный законно, без какого-либо подвоха, президент Борис Ельцин, которого поддержал полукоммунистический Верховный Совет. А раз поддержал, то распускать или переизбирать его было неудобно, и советская власть сохранилась до октября 1993 года.

А когда утром 4 октября 1993 года четыре танка дали залп по Белому дому, где засели вооруженные сторонники Верховного Совета во главе со спикером Хасбулатовым, в России и на Западе заговорили о «расстреле избранного народом парламента». Но это неверно! Во-первых, ни один депутат расстрелян не был. Во-вторых, многие депутаты были избраны не свободно, как Ельцин, а по старинке, как единственные кандидаты от КПСС. В-третьих, Верховный Совет парламентом считаться не мог: в глазах коммунистов эта форма правления годилась лишь для буржуазных стран.

– **Этим событиям посвящена последняя глава вашей книги, им исполняется 15 лет. Чем не повод вспомнить о быстротечности времени!**

– Среди множества документальных снимков, вошедших в книгу, есть один, сделанный 4 октября 1993 года: танки на Новоарбатском мосту, здание Верховного Совета в клубах дыма. Под ним подпись: «Заключительный залп Гражданской войны». Недавно я показал этот снимок Егору Гайдару, которого Ельцин в то время уговорил вернуться в правительство, назначив первым вице-премьером. Егор Тимурович прочитал подпись да как хлопнет себя по колену: «А ведь я об этом и не подумал, хоть сам эти танки туда послал. Здорово вы придумали!» В те дни, действуя по требованию момента, Егор Тимурович и не предполагал, что завершает дело, которое начали в октябре 1917 года в Москве и Петрограде юнкера, восставшие против Советов...

– **Россия, вступив в военный конфликт с Грузией, признав независимость Южной Осетии и Абхазии, раздражила Запад, в первую очередь Соединенные Штаты: еще немного – и она пополнит собой список стран-изгоев. Вас не пугают такие перемены?**

– Нет, не пугают. Это не причина для серьезной конфронтации. Америке незачем было соваться в Грузию. Американцы со временем это сообразят

и смягчат ситуацию. А что Саакашвили ее обостряет – так будет то же, что с Нагорным Карабахом: азербайджанцы его не признали, а он спокойно существует и, хотя юридически все совершенно не решено, но фактически вроде в порядке.

– **Вы сказали, что Ельцин был избран «законно, не в результате подвоха». А как, по-вашему, избирали Путина и Медведева? Не было там подвоха?**

– Ну-ну, знаете ли!.. Автор одной статьи в русскоязычной эмигрантской газете назвал это «синдромом Шуры Балаганова»: тот, держа в кармане подаренные Бендером пятьдесят тысяч рублей, украл в трамвае кошелек, в котором был один рубль семьдесят копеек! Бывшие советские чиновники при организации выборов действуют по советской привычке – а этого не требуется: Путина и Медведева избрали бы и так.

– **Если этот мой вопрос и ваш на него ответ прочтут в Москве, куда вы возвращаетесь жить и работать, это может вам навредить...**

– Ну, во-первых, ситуация вовсе не такая острая. Во-вторых, это же я только процитировал автор статьи...

– **Борис Сергеевич, я неспроста задавал эти вопросы именно вам, бывшему председателю НТС, ныне директору издательства «Посев» – совместные усилия этих двух организаций были направлены на свержение власти коммунистов в России. Не повернутся ли события таким образом, что эти усилия, в конце концов, окажутся напрасными?**

– Конечно, последние восемь лет идет определенный откат к авторитарным методам управления, но, в общем-то «Единая Россия» – не КПСС. Думаю, что итоги августа 1991 года необратимы. Пытались их изменить в октябре 93-го, но это, к счастью, не удалось.

– **Бывший президент, ныне премьер-министр России (и, строго между нами, бывший подполковник КГБ) назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века». А что если власть чекистов (ведь именно они, а также их приближенные, сегодня у власти) вздумает разобраться с теми, кто к этой «катастрофе» руку приложил, и вам однажды не по своей воле придется покинуть свою московскую квартиру?**

– Это не реально. А слова Путина можно толковать и в том смысле, что распад СССР привел к обвалу биполярной политической системы в мире, которая существовала почти полвека. На смену ей пришла многополярная система, и это действительно перелом – называйте его, как хотите. В этой системе США стремятся играть ведущую роль – не всегда удачно. Многополярная система сложна, и пока в ней не устоится равновесие, трения неизбежны. Но никому нет выгоды доводить их до накала...

– **Блажен, кто верует!**

Андрей Буровский

Дети Российской империи, ИЛИ: ОТ ЛИЦА СМЕШАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

*Евреи лезут на рожон
Под ропот будущих веков.
Они увозят русских жен,
А там родят большевиков.*

И. Губерман

Собственно говоря, все человечество и все народы – смешанного происхождения (так же, как абсолютно все люди на земле – эмигранты и «перемещенные лица»). Только в Японии, где японцы составляют 99,95% – это менее заметно. В цивилизованных странах ксенофобия считается чем-то вроде привычки испражняться в столовой или совокупляться на Ученом совете, но подавляющее большинство юношей и девушек этих стран берут себе мужей и жен среди людей «титulyного» народа. Не потому, что они себе это запланировали, или им не позволят родители – а просто по закону больших чисел; на всех – иностранцев не хватит.

Другое дело в больших государствах, особенно в многонациональных империях: тут, порой, и не очень понятно, где один народ переходит в другой. И что такое вообще «народ». Словом «империя» нынче принято чуть ли не ругаться; почему-то считается, что «империя» – это нечто невыразимо плохое. Но трудно отделаться от мысли, что в жизни империй есть и кое-какие симпатичные черты – например, очень низкий уровень ксенофобии.

Я не застал времен, когда одноклассники попросту не знали этнического происхождения друг друга. Но я еще учился в школе, где национальность соученика была не важнее, чем цвет волос или длина пальцев по отношению к ладони. То есть мы знали, что Равиль Гонцов – татарин, а Мира Гершман – еврейка. Но ни малейшего значения этому никто не придавал, и когда Равиль стал ухаживать за Мирой, никому и в голову не пришло ужасаться происходящему.

Между прочим, точно так же было и в царской России. Даже в еще большей степени «так же» – потому что сам смысл слова «русский» изменился. Сегодня мы хотя бы теоретически допускаем, что русские – это люди такого этнического происхождения. А русские еще в начале XX века – это были люди, владевшие русским языком, как родным. У немцев есть хорошее слово – *Muttersprache* – то есть «материнский язык». Язык, на котором человек сказал «мама». Русские были имперской общностью, совокупностью людей с одним языком и культурой.

Православие вовсе не было обязательным признаком русского. Обычно инородец если выкрещивался – то именно в православие, в государствен-

ную религию. Чаще всего не потому, что проникался всей силой аргументации проповедников – а потому, что церковь была едина с государством, и не было смысла закрывать себе дорогу к карьере. Но выкрещивались и в старообрядчество – особенно поляки и финно-угорские народы, и в сектанты самых разных толков, и в католики. Первый историк Татарстана, Газиз, называл себя «русским мусульманином».

А вот язык и культура объединяли гораздо вернее, чем церковь. Екатерина II, немка на русском престоле, вполне серьезно спрашивала авантюриста Де`Рибаса – то ли француза, то ли швейцарского еврея – успел ли он стать вполне русским? Великое множество людей считались русскими в Российской империи, но перестали считаться русскими в СССР. «Обрусевшие немцы и крещеные евреи в начале XX века всеми считались русскими» – свидетельствует Нина Берберова.

В СССР и немцам и евреям вручили паспорта с пятой графой, сразу объяснив им, раз и навсегда – всё, товарищи, дело закрыто – вы не русские. А еще недавно были русскими. Так что межнациональная благодать, которую я помню по началу 1970-х – это только остатки, только исторические секунды прежней имперской толерантности.

Если люди, даже сохраняя свои языки и религии, варятся в соку единой имперской культуры, они волей-неволей становятся друг на друга неуловимо похожи. Просто в силу подчинения одним законам, писания официальных бумаг на одном языке и в одном стиле, воспитания на одном литературном процессе и родственных философских системах. Сейчас становится модно говорить о таинственном «евразийстве», об исходной мистической общности всех народов «Евразии». Но эту общность россиян вполне можно объяснить и без евразийства, и без мистики: века жизни в одном государстве объединили и сблизили людей. Изначально – очень разных людей; ведь и иберы говорили на совсем ином языке, чем галлы, а реты мало походили на сирийцев. Но жизнь в одной Римской империи сварила их всех в одном котле, и сделала их всех римлянами, ромеями.

Так и Российская империя сделала всех россиянами... Ну, пускай будет – почти всех.

Евреи как-то не очень вписываются в евразийство, но вполне вписываются в эту общность народов империи. Здесь, в России, они могут сколько угодно утверждать свою принадлежность к древнему и великому народу, не имеющему никакого отношения к другим россиянам. Они могут даже прямо пропагандировать эмиграцию – как это делал полузабытый Шолом Рабинович, писавший под псевдонимом Шолом-Алейхем. Но и он, воспевший бегство в свободную и процветающую Америку, на склоне лет убедился – Америка для него чужая страна. Те упреки, которые бросает Шолом-Алейхем культуре США (он, впрочем, уверял, что в США вообще нет культуры), проявляемый им подход к книгам, театру и человеческим отношениям, очень типичны для всякого вообще российского интеллигента – хоть поляка Короленко, хоть великоросского босяка Горького, хоть немца Вогау-Пильняка.

Так и современный еврей, уезжая в Израиль, в 3 случаях из 4 быстро убеждается – не только марокканские и йеменские, но даже американские и французские евреи ему вовсе не дорогие сородичи. Я имею удовольствие и честь принадлежать к общественному слою, которому французы явно ближе йеменских арабов. И евреи в моем кругу такие же. Но стоит им, этим прекраснородушным русским интеллигентам из евреев уехать – и они быстро понимают, что и французские евреи для них – иностранцы. Не обязательно враждебные – французские евреи могут быть замечательными людьми, и русские евреи охотно с ними подружатся. ...Но точно так же они могли бы подружиться и с этническими французами, и получать от общения точно такое же удовольствие.

А, кроме того, народы империи смешиваются. В смысле – возникают межнациональные браки. Чем сильнее ощущение общности – тем меньше препятствий для брака.

История доказывает, что невозможно удержать от смешения людей, живущих бок о бок. Можно запугивать их ужасными свойствами «других», грозить последствиями послушания... Но люди разных народов все равно будут влюбляться друг в друга, и все, чего добьются борцы за расовую чистоту – это того, что браки станут неофициальными, а то и тайными.

Увы, уже никто не сможет рассказать – нам, живущим ныне, в назидание, сколько таких тайных браков, личных трагедий, безотцовщины, крутых расправ, прочих гадостей таит наше недавнее прошлое!

Страшно подумать, что могли учинить с влюбленной парой, с тайными супругами старейшины, одержимые истинным знанием о том, как надлежит жить и с кем можно заниматься любовью, а с кем категорически нельзя.

В хасидском журнальчике «Лехаиме» доводилось мне читать статьи, где прямо заявлялось: строить смешанные браки ни в коем случае не следует!! Потрясая читателя сногшибательным открытием,

что «чем ярче у мужчины выражены типичные еврейские черты [а какие из них, позволю себе спросить, типичные? – А.Б.], тем привлекательнее он для русской женщины. А евреям, как правило, были более всего симпатичны женщины с выраженной «деревенской» внешностью: вздернутый нос, светлые волосы, широкие скулы, грубоватые, простонародные манеры и ухватки. Физиология!

...Но ведь нельзя же «строить такое великое и священное здание, как СЕМЬЯ, в первую очередь на плотской, сексуальной основе? Разве каждый, прожив несколько лет в браке, не убеждается, что место пылкой страсти занимают совсем другие чувства и отношения?.. среди моих братьев, племянников друзей, вижу смешанные браки, и ни один – ни один! – к старости не выглядит райским союзом» [Козак А. Еврейская красота // Лехаим. 2001. № 3 (107). с. 25].

И даже поток писем, пришедших в редакцию «Лехаима» на его прежнюю статью «Абраша и Даша», автора не убеждает: он «Тронул больное место. И спорить не о чем».

Спорить и правда не о чем – расизм есть расизм, какими бы красивыми словами его не маскировать. Удивительно – но даже сознаваться, что еврейские парни брали в жены русских девушек, только «наплевав на яростное противодействие собственных родителей» – автору не стыдно. Вот мне за него, грешным делом, было стыдно – что ходит по земле России подобный сукин сын, да еще и пишет свои гадости на русском языке (который считает чужим).

И вообще стыдно, что такое может печататься в XXI столетии.

К счастью (в первую очередь для них самих) большинство советских евреев не руководствовались моралью Второзакония. Как уже было сказано – людей просто невозможно удержать от того, чтобы они не увлеклись друг другом. На сегодняшний день число людей «смешанной крови» в несколько раз больше, чем чистокровных евреев, – по крайней мере, в России. Встречаясь примерно в одних и тех же собраниях, вращаясь в кругу с ограниченным числом возможных мужей и жен, евреи и русские, а также их помеси, их помеси с другими помесями образовали множество вариантов, которые и назвать-то трудно.

Действительно, как определить этническое происхождение человека, если трое из его дедов и бабок были евреи, а один дед – русский? Или наоборот? А если вступают в брак человек, у которого трое дедов и бабок были евреи с тем, у кого трое из восьми прадедов были русские, а остальные евреи – их дети будут кто? И в какой степени?

В свое время американцы, самые большие демократы и борцы с расизмом в других странах, разработали подробнейшую градацию, «кто есть ху» при межрасовых браках. К счастью, такого рода расовой озабоченности в России поменьше, и в русском языке нет ничего подобного всем этим «метисам» и «квартиронам».

Не буду доказывать очевидного – что можно привести много примеров очень удачных межнациональных браков – в том числе и русско-еврейских. У многовековой метисации народов России есть и другие, весьма любопытные, последствия. Например, изменение состава населения.

Это смешение оказало очень большое и очень положительное влияние и на качество российского суперэтноса, и даже на его историческую судьбу.

Не будем даже говорить о закономерности, которая как будто подтверждается – при смешении народов и культур дети рождаются более талантливые.

Отметим два последствия имперской метисации, которые отмечают нечасто... А они и есть самые важные.

Во-первых, окончательно становится анекдотом любая «чистота происхождения». В Швеции можно найти много людей, все предки которых последние двести лет были шведами. Даже в огромной и везде разной Германии нацисты временами умудрялись находить «истинных арийцев», которым даже вручались «сертификаты крови», удостоверявшие – ни французов, ни славян в числе их предков не было! Но попробуйте, мои хорошие, отыскать таких людей в России...

То есть, как знать? Может быть, где-то в глуши Орловской или Калужской области и можно отыскать «чистокровных русских», без всяких зловредных инородческих примесей – но, говоря по правде, я бы искать их не взялся. И не из соображений этики, а из соображений науки – скорее всего, безнадёжное занятие.

И вообще попробуйте показать мне хоть одного деятеля русской культуры, литературы, науки, которому можно выдать «сертификат крови»? Забавно исследовать происхождение всех, чьими именами машут красно-коричневые как знаменами русской культуры. Николай Гумилев? Шведы, грузины в родне. Его сын, Лев Гумилев? Мало шведов, еще евреи и украинцы по линии матери. Куприн? Внук татарского хана. Блок? Вообще внук раввина. Фет? «Страшно подумать», кто этот Фет по отцу. Толстой? Дед немец, есть и татары. Достоевский? Дед поляк. Лермонтов? Потомок шотландцев, отец полуполяк. Пушкин? Один дед немец, прадед – негр...

Есть и еще более веселая версия – что Аннибал прикрыл версией негритянства стыд своего еврейского происхождения. Кстати, тут можно провести маленький тест на толерантность. Допустим, будет неопровержимо доказано, что Александр Сергеевич Пушкин – еврей по деду. Если это так, изменится ли ваше лично отношение к Пушкину и к его творчеству? Если нет – слава Богу, вы вменяемы. Если да – могу порекомендовать лишь одно средство – в американских лагерях для немецких военнопленных оно называлось «антигеббельс». Средство производилось путем смешения мочи американского капрала с керосином, вливали его сразу ведрами, через воронку. Мне доводилось беседовать с теми,

кого пользовали этим средством в американских лагерях, и они уверяют что «антигеббельс» – исключительно действенное лекарство.

Как будто, «чисто русским» был Ломоносов – я же говорю, в глуши губерний, может быть, что-то чистокровное и сыщется. Но и у Ломоносова жена, «как это ни ужасно», уже немка.

Вообще же бывает очень забавно наблюдать, как за расовую чистоту русского народа борется человек с польским именем Станислав и кавказской фамилией Куняев. А помогают ему Шапиро-Шафаревич, курд Карем Раш и украинец Проханов.

Второе же следствие еще проще: перемешиваясь, люди уже не способны на ксенофобию. Через межнациональные браки победители братаются с побежденными, а их потомки вместе продолжают строить империи.

Кто бы мог подумать во времена Траяна, что потомки его солдат смешаются с потомками защитников последней твердыни даков, Сермицегетузы? Что вместе они породят новый народ, и что будет он называться не как-нибудь, а ромеями-румынами?

Предки русского историка Карамзина бросались на московских стрельцов с кривыми саблями. Предки Юрия Рытхэу убили нескольких русских землепроходцев при одной лишь попытке их объяснить (и между нами говоря – не только убили, но и съели; но это – строго между нами, а то когда говоришь об этом – чукчи ужасно обижаются). Прадеды русской дворянской фамилии Азаматовых были в числе мюридов Казым-бека и Шамиля, а дед последней жены академика Яншина честно воевал с русскими в отряде узбекских басмачей.

Масштаб этих перемешиваний очень легко преуменьшить, и очень трудно преувеличить. Где-то в начале перестройки и «парада суверенитетов» нашелся неглупый журналист, предложил создать партию людей смешанного происхождения, и начать бороться за их права, как за права особого народа. По мнению журналиста, таких людей в СССР было порядка 50 или 60 миллионов. Честно говоря, думаю – было побольше. В одной современной Российской Федерации таких людей по разным данным то ли треть, то ли половина населения.

Трудно поверить, что всем этим людям угрожает «утрата национального самосознания»; все мы, простые и сложные гибриды, хорошо знаем, что мы – россияне. Русские в том самом смысле, в котором это слово понималось в начале XX века, в Российской империи.

Но вот всякое этническое самосознание у нас, и правда, относительно – ведь мы принадлежим не к одному народу, а к двум, а то и нескольким. Вражда между этими народами для нас – это какая-то шизофреническая война внутри нас самих, разрыв изначальной целостности.

Лев Аннинский даже назвал «нанайскими мальчиками» свои русскую и еврейскую половинки. Но существует и гораздо более благоприятный опыт соединения в себе нескольких этносов. Автор

этих строк – немец по деду, и великоросс по бабушке, а отец у меня, уроженец Львова, и сам, по-видимому, не очень понимал, русский он, украинец или поляк. Я должен был бы, вероятно, давно уже задумать сам себя, если бы все эти национальные сущности боролись внутри моего сознания. Но они и не думают бороться.

А уж что должно делаться «внутри» моих сыновей! Первая жена у меня была еврейка, и расстались мы вовсе не из-за ее национальности. Будь мы оба русскими, оба евреями или оба китайцами, развод был совершенно неизбежен, в любом случае. Но мои сыночки, сегодня уже взрослые мужики, кроме моей лиги наций, стали еще и евреями. И никакого признака того, что какие-то «нанайские мальчики» борются внутри их сознания. Ничего подобного, они там очень мирно уживаются. И, кстати говоря – они русские. Любые попытки национально озабоченных увести моих детей в Израиль или втянуть в работу любых национальных обществ не имели ни малейшего успеха: парни просто крутили у виска. Так что «апофеоз беспочвенности» нам, людям смешанной крови, все-таки вряд ли угрожает.

На мой взгляд, смешанное происхождение несет в себе два очень больших преимущества. Первое состоит в том, что любой «полтинник», «квартирон», или «полукровка» волей-неволей критичен. Любая национальная традиция для него – не естественная и само собой разумеющаяся, а лишь одна из возможных. В этом – колоссальное преимущество гражданина империи, и особенно лица смешанного происхождения перед жителем монолитного национального государства типа Японии. Широта взглядов, толерантность, умение посмотреть на наследие предков со стороны, глазами «другого», – то, что в ином случае надо специально воспитывать, у нас – врожденное.

В нашем глобализирующемся, все более тесном мире это большое преимущество.

И второе – мы поневоле миролюбивы. Попробуйте доказать любому «квартирону», «полтиннику» или «полукровке», что он должен питать неприязнь к одной из своих половинок! Все войны, бушевавшие между народами, естественным образом утихают для того, кто происходит от обоих противников. Как прикажете русскому немцу доигрывать обе Мировые войны? Ведь Германия для нас – вторая родина, и с этим ничего нельзя поделать. Как человек, в чьих жилах течет и польская, и украинская кровь, будет трактовать эпизоды Хмельничины? Один такой вполне серьезно рассказывал мне, кто из его польских пращуров повесил украинского пра-прадеда. Но в нем-то самом – кровь и тех и других убиенных; боль потерь обеих сторон, и ужас всех вражьих ударов, мутное безумие всех военных побед и погромов.

* Прим. ред. Имперскими наднациональными принципами, о которых говорится в статье, действительно руководствовались русские цари, от Петра до Николая I. Однако в последние два царствования ситуация во многом изменилась. Набиравший силу параллельно Великим реформам панславизм трансформировался при Александре III в откровенное русификаторство. «Надо признаться, что обострению русско-польских отношений много способствовала нелепая, тяжкая и обидная для поляков русификация... Во Вроцлавском реальном училище, где я учился, дело обстояло так: Закон Божий католический ксендз обязан был преподавать полякам на русском языке; польский язык... преподавался также на русском языке... В стенах училища, в училищной ограде и даже на ученических квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям». Так пишет в мемуарной книге «Путь русского офицера» А.И. Деникин. Попытка власти, по словам видного эмигрантского публициста монархического направления Георгия Мейера, «превратить инородцев, иноплеменников из подданных Российского Императора в подданных русского народа» аукнулась 1917-м.

Сергей Маркедонов

Исторический фронт «Пятидневной войны» на Кавказе

Августовская «Пятидневная война» на Кавказе (а также ее политические последствия в виде признания независимости Абхазии и Южной Осетии и создания прецедента пересмотра границ между республиками бывшего СССР, как межгосударственных рубежей) разделила историю постсоветской Евразии на ту, что была до 2008 года и ту, что будет после. Все это предельно актуализировало осмысление исторического прошлого, как всего Большого Кавказа, так и российско-грузинских отношений. Ведущие ТВ-каналов и радиопрограмм фиксируют в последнее время стабильно высокий

рейтинг передач, посвященных именно различным аспектам истории Южного Кавказа. Как говорится, народ хочет понимать причины и предпосылки того, что произошло в «горячем августе» 2008 года. Скорее всего, думающую аудиторию не устраивают досужие рассуждения про «внезапное нападение» грузинских формирований на столицу Южной Осетии. В этой связи вспоминается афоризм выдающегося французского историка Марка Блока про феномен происхождения, как «идол племени историков». Поскольку же история (как, наверное, ни одна отрасль знания) имеет не только академическую, но и пропагандистскую, а также массовую трактовку (попробуй, дай пропагандистскую интерпретацию закона всемирного тяготения или тео-

* Автор – заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

рии относительности), следует продолжить мысль одного из корифеев европейской историографии. Происхождение является также идолом массового сознания. Стремление понять причины сегодняшних явлений влечет слушателей к экранам телевизоров и радиоприемникам. В этой связи перед экспертами встает серьезная (и ответственная задача) корректной интерпретации событий прошлого для объяснения настоящего и предсказаний будущего. Говоря об этнополитической ситуации на Большом Кавказе, следует сделать несколько важных методологических разъяснений, не являющихся досужим теоретизированием. Без принятия этих разъяснений за основу любое историко-политологическое исследование легко свести к незамысловатой пропаганде.

Во-первых, на Южном Кавказе в гораздо большей степени, чем в Европе или в США история является актуальным политическим игроком. На Западе модно говорить о «о конце истории», «преодолении истории» или о «постисторическом развитии». На Кавказе история является важнейшим легитимирующим ресурсом. Апелляция к прошлому для доказательства нынешних претензий и политических амбиций в порядке вещей. Обострение всех нынешних этнополитических конфликтов на Южном Кавказе начиналось с обращения к истории, ее актуализации. По справедливому замечанию владикавказского исследователя Артура Цуциева, «этнополитические противоречия рубежа 1980–1990-х гг. формируют повышенный идеологический спрос на реконструкции «исконных границ», на обоснование приоритетных «исторических прав» на оспариваемые территории и/или групповые статусные позиции».

С чего начался современный грузино-осетинский конфликт? С исторических споров. В конце 1980-х гг. грузинские историки и литераторы стали говорить о необоснованности применения топонима Южная Осетия. Тогда же эту территорию стали называть Самачабло (то есть земля грузинских князей Мачабели), подчеркивая «пришлкое», а не «коренное» происхождение осетин. Армяно-азербайджанский конфликт начался с попыток ревизии «сталинского наследия» (решения Кавбюро РКП(Б) о включении Нагорного Карабаха в состав Азербайджана). В качестве ответа на эти попытки азербайджанские политики актуализировали с помощью историков «миграционную концепцию» армянской общины Карабаха (согласно которой армяне появились здесь только в XIX столетии, а потому не имеют права на этнополитическое самоопределение).

В 2004 году президент Грузии Михаил Саакашвили прошел свою инаугурацию в монастыре Гелати (вблизи Кутаиси), где захоронен знаменитый Давид Строитель (Агмашенебели), которого средневековые источники именовали «царем грузин и абхазов». Принятый в грузинской историографии тезис о коренном картвельском населении Абхазии,

предки которого древние колхи в VI веке создали первое грузинское государство (в том числе с современной абхазской территорией), используется как доказательство исторических прав грузин на спорную землю. Когда президент Южной Осетии Эдуард Кокойты обращался в Конституционный суд РФ, он апеллировал к статьям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года. Южноосетинский лидер ссылался на то, что Российская и Османская империя достигли договоренности по поводу вхождения «единой Осетии» в состав России.

Когда абхазская элита пытается отместить требования Грузии по возвращению беженцев, изгнанных из Абхазии в ходе войны 1992–1993 гг., она говорит о том, что изменение этнодемографического баланса на территории ныне частично признанной республики началось в 1860–1870-е гг. после махаджирства (эмиграции этнических абхазов в Османскую империю). Тогда, согласно абхазским источникам порядка 70 тыс. абхазов (первая волна 1867 г. – 20 тыс. чел, вторая волна 1877 г. – 50 тыс. чел.) покинули историческую родину. После этого начался процесс освоения и заселения Абхазии картвельскими этническими группами (мегрелами, сванами, собственно грузинами, которых при проведении Всесоюзной переписи 1939 года объединили в одну группу «грузин»). В середине 1990-х гг. законодательные власти де-факто Республики Абхазия даже принимали специальные акты о репатриации потомков абхазов-махаджиров. В период президентской легислатуры Саакашвили актуализировалась тема российской оккупации Грузии. Впрочем, и эта историко-политическая концепция не взялась ниоткуда. В грузинской историографии был наработан большой нарратив, посвященный историческим претензиям Грузии к России (естественно, российская помощь в собирании Грузии ушла на второй план). Одним из аспектов этой темы является такой сюжет, как негативная роль России (в разных формах ее бытования) в сокращении национальной территории грузин. Россия обвиняется в том, что «оторвала» от Грузии Саингило (в пользу Азербайджана), Лори (в пользу Армении), Ардаган и Артвин в пользу Турции, а также создала сепаратистские очаги в виде двух автономий (хотя абхазская автономия провозглашалась, между прочим, и в Конституции Грузинской Демократической Республики 1921 года). Таким образом, Саакашвили просто политически заострил многолетние наработки грузинских историков. Отсюда и появление «музея оккупации». Следовательно, и сегодня многие сюжеты прошлого живее всех живых. И не просто живее. Они оказывали (и оказывают сегодня) непосредственное влияние на принятие ключевых политических решений.

Во-вторых, следует принять тезис о том, что в регионе сложно (практически невозможно) говорить о «чистой истории». Исторические знания оказались призваны на службу конфликтов. Даже академическая историография (не говоря уже

о том, что называется «политикой истории») оказывается подчиненной политическим законам. В Грузии трудно представить себе исследователя, который отрицал бы автохтонность грузин в Абхазии, а в самой Абхазии нет специалистов, признававших хотя бы «двуаборигенность» грузин и абхазов на одной территории. Невозможно вообразить себе азербайджанского ученого, который бы признавал геноцид армян в Османской империи в 1915 году, равно как и армянского историка, который бы специально исследовал этнические эксцессы по отношению к азербайджанцам, проживавшим на территории бывшей Эриванской губернии в начале XX века. Соответственно в Северной Осетии (говорить о солидной исторической науке в Южной Осетии в силу понятных причин сложно) те, кто подвергает сомнению тезис о «единой Осетии» и прямой преемственности осетин и алан, будут в положении маргиналов.

Естественно, сегодня не Советский Союз, другая эпоха, но «принцип партийности» (на сей раз не коммунистической, а этнополитической) играет значительную роль в выборе тем исследований, диссертаций, монографий и статей. А потому на выходе мы получаем «параллельные исторические миры». Согласно построениям грузинских историков, предки грузин либо абсолютно доминировали в Абхазии до XVI столетия (а адыго-абхазские племена пришли туда только в период позднего средневековья), либо были вместе с предками абхазов двумя народами «аборигенами». Абхазские же историки высказываются за первенство «хатто-адыго-абхазского этнического массива». Они же отвергают термин «беженцы» применительно к грузинскому населению, настаивая на том, что грузины – всего лишь «репатрианты», вернувшиеся на историческую родину. И те, и другие апеллируют к источникам (правда, зачастую выборочно и с изрядной долей политической ангажированности), но их взгляды существуют в двух параллельных реальностях.

В-третьих, в трудах историков Южного Кавказа (как впрочем, и Северного) нынешние политико-географические реалии переносятся на прошлое. Получается при таком подходе, что Грузия, Абхазия или Южная Осетия существовали веками, как неизменные политические субъекты. Между тем, надо понимать, что современные государственно-политические понятия и обозначения не тождественны прошлым. Сегодня в осетинской историографии можно встретить тезис о том, что в 1774 году «единая Осетия» вошла в состав России. Между тем, такого государственно-политического понятия в это время еще не было. В Кючук-Кайнарджийском мирном договоре от 1774 года Российская империя устанавливала свои права на Большую и Малую Кабарду, чьи князья патронировали осетинские, ингушские общества (согласимся, что тогдашние общества – это не государства в современном понимании этого слова). О Южной Осетии

в это время также трудно говорить (вряд ли можно отождествлять с современной республикой Кударское, Джавское, Урс-Туальское общества). Все это, естественно, не оправдывает анти-осетинской политики Грузии в период «первой республики» в 1920 году, а затем во времена Гамсахурдиа или Саакашвили. Однако некорректно переносить современные реалии на историческое прошлое. Впрочем, и единой Грузии (которую то ли оккупировала Россия, то ли по советско-российской политизированной версии спасла от физического уничтожения) в 1770–1780-е гг. не было. Она вошла в состав Российской империи частями (точнее царствами, княжествами, территориями). В 1801 году было инкорпорировано Картли-Кахетинское царство. Территории Джавахети и Месхети оказались присоединены в 1829 году, а Аджарии в 1878 году. В 1801 году под Грузией в Санкт-Петербурге и понималась Картли-Кахетия. Другие территории (Мегрелия, Гурия, Имеретия рассматривались по другому счету). Менялись и идентичности, и этнонимы. Если даже в начале XX века азербайджанцев было принято идентифицировать, как «татар», то затем именно принятый сегодня этноним стал употребляться, для определения тюркского населения, проживавшего на территории сегодняшнего каспийского государства.

И только в самом конце XIX столетия национализм выходит на первые роли. По справедливому замечанию Артура Цуциева, «национальная проблематика превращается в 1890-е гг. в абсолютно доминирующую тему кавказского политического дискурса. Через нее выражаются все ключевые социальные противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому (“племенному”, “национальному”) балансу овладевает умами не только имперских администраторов, но и начинает пронизывать идеологию самих местных элит, все более осваивающих идеи социального освобождения и народного представительства именно в этнических терминах».

Именно тогда начинают появляться карты, описывающие те или иные кавказские земли, как исконно «грузинские» или «армянские». Тогда же противоречия начинают осмысливаться именно в категориях национального конфликта. С этого момента и может начинаться история современных (!) межэтнических противоборств на Южном Кавказе. В это время обозначается противоречие между «идеальной территорией» и различными политическими реалиями, мешающими ее обретению. Только тогда мы можем говорить о появлении первых предпосылок для сепаратистских теорий и практик в регионе. Именно к этому времени относится возникновение «абхазской» или «карабахской мечты». В этой связи говорить о «трехсотлетней» или «пятисотлетней» войне между грузинами или осетинами, армянами или азербайджанцами вряд ли представляется возможным. Однако в пропагандистских целях делается именно это.

Между тем, внедрение националистического дискурса на Кавказе было далеко не одноактным событием. Как пишет немецкий историк Йорг Баберовски, в начале XX столетия «сама национальная концепция утвердилась лишь на территории кавказских городов. За городской чертой она переставала действовать. Основанная в 1905 г. в Елисаветполе (совр. Гянджа – С.М.) по образцу отрядов «Дашнакцутюн (армянская партия, созданная в 1890 г. – С.М.) мусульманская организация «Дифай» распалась в 1907 г., не оставив после себя никакого следа. И хотя ей удалось возбудить вражду крестьян к чужакам, однако это отталкивание от чужого не вызвало у крестьян желания объединиться в супрарегиональный союз кавказских тюрков, как ожидали городские националисты... представления о нациях как таковых у деревенских жителей не существовало. В окружении враждебного мира, весьма далекого от органов государственной власти, крестьяне осознавали себя как члены рода, клана или религиозной общины».

Значительную роль в укреплении националистического дискурса (и, как следствие, этносепаратизма и этнократии) сыграли, во-первых, первый опыт строительства наций-государств на Кавказе в 1918–1921 гг., и последующие семь десятилетий со-

ветизации. Именно советская власть провела «генеральное межевание» земель в этом регионе, определила межреспубликанские границы, ставшие после распада Советского Союза межгосударственными рубежами, создала предикаты государственности, подготовила через систему партийной и хозяйственной номенклатуры, а также образовательные проекты собственные «национальные по форме, но социалистические по содержанию» кадры. По справедливому замечанию американского историка русского происхождения Юрия Слезкина, «СССР создавался националистами, и был разрушен националистами».

Следовательно, говоря об истории Южного Кавказа необходимо иметь в виду существование, как минимум, двух историографий, академической и политизированной (пропагандистской). При этом первая версия истории в сегодняшних условиях развивается, скорее за пределами региона. Исторический фронт является важнейшей частью политики стран Южного Кавказа. И этот фронт исправно работает, формируя то, что известный этнополитолог Стюарт Кауфман назвал «символической политикой этнической войны». Скорее всего, разрешение конфликтов начнется с «разрядки» именно на фронте борьбы за непредсказуемое прошлое.

Татьяна Артёмова

Заколдованные заповедники

О «зеленых» в политике

Несколько лет назад Йошка Фишер, недавний лидер «зеленых» Германии, но уже в ранге министра иностранных дел прибыл в Петербург. Вместе с российским коллегой тогдашним министром Игорем Ивановым они провели пресс-конференцию на «Крыше» отеля Европа. К тому времени уже случились события в Югославии, когда немецким министром были предприняты некоторые действия, возможно, и неизбежные для политика высокого ранга, но не прибавившие, однако, ему популярности среди прежних сторонников.

Во время пресс-конференции на «Крыше» я спросила Йошку, в какой степени он руководствуется в политической деятельности «зелеными» идеалами своей юности.

Ответ был уклончиво-удовлетворительным.

Спускаясь вниз, я случайно оказалась в лифте вместе с Сергеем Ивановым. Такие тогда были времена. Он был без охраны и, пристально взглянув на меня, спросил, удовлетворена ли я ответом. А потом добавил без особой симпатии к немецкому коллеге: «Вы думаете, он был искренним?»

Действительно, редкий человек, окунувшись в большую политику, выплывает оттуда, не испачкав своего прежнего имиджа зловонным илом неиз-

бежных компромиссов. Почти так же неотвратимо ждуть его плевки и проклятия прежних единомышленников...

Вспомнила я этот давний эпизод, когда один из ближайших коллег Фишера, экс-канцлер Германии Герхард Шредер, уделявший «зеленой» политике Германии много внимания, неожиданно возглавил комитет акционеров компании «Норд Стрим». Той самой, что строит газопровод от России к Германии по балтийскому дну (сам балтийский газопровод тоже получил имя «Норд Стрим»).

А Фишер, кстати, оставивший большую политику, высказывается об этом проекте вполне доброжелательно. Он, например, в отличие от многих наших оппонентов, заметил без всякого осуждения, что Россия, по всей видимости «пытается использовать холодную зиму для того, чтобы убедить Европу в необходимости балтийского газопровода, известного под именем Норд Стрим»...

Сам Шредер же, встретившись с российским премьер-министром Владимиром Путиным в Сочи, счел необходимым заявить, что подготовленное экспертами Норд Стрим исследование о сохранении Балтийского моря, «самое подробное экологическое исследование, которое когда-либо делалось в мире». Он добавил, что не только экологические аспекты проекта строительства газопровода «Норд

Исполнительный Секретарь Хелком Анне Кристине Брюзендорфф

Стрим», но и тема боеприпасов, затопленных во вторую мировую войну, будет подробно освещена в этом документе. Объяснив, что российские, немецкие, и голландские фирмы, участвующие в проекте, «уделяют решению проблемы экологии максимум усилий».

Мы не лишены иллюзий. И размышляем, насколько успешны будут наши устремления улучшить этот проект, сделав его возможно более экологически дружественным. К этому моменту нам представляется, что они не вовсе безнадежны, пока имя экс-канцлера Германии осеняет эту глобальную Российско-Европейскую энергетическую затею. Во всяком случае, «Норд Стрим» постоянно декларирует неуклонное внимание к вопросам экологии.

Разговор в Хелкоме

Нынче в столице Финляндии прошла очередная конференция заинтересованных сторон Хельсинской Конвенции по защите Балтийского моря. В прошлом году на такой же побывала я. Тогда 200 делегатов из девяти прибрежных государств обсуждали там Балтийский план действий, одобренный на Встрече министров в 2007 году. Причем, к тому дню Петербург приготовил хороший подарок – одной нашей горячей точкой на Балтике стало меньше. Тогда на последней конференции Хелком было принято решение о ликвидации точки № 22 – загрязнения от гальванических производств. Это означало, что благодаря новым технологиям и закрытию устаревших предприятий удалось сделать наше море чище.

То решение было принято накануне традиционно проводящихся в Петербурге Дней Балтийского моря, форума, в работе которого принимает участие множество гостей из прибрежных стран. Среди них была и исполнительный Секретарь HELCOM, госпожа Анне Кристине Брюзендорфф (Anne Christine Brusendorff). Мы заранее, еще в Хельсин-

ки во время мартовской конференции попросили ее ответить на несколько вопросов о Хельсинкской комиссии, России и Петербурге.

– Хелком разменял четвертый десяток. В 2004 году Хельсинской комиссии по защите Балтийского моря исполнилось 30 лет. Для человека это уже возраст зрелости. Появились ли у вашей организации какие-то «вредные привычки» или, напротив, выработались некие особенности, которыми можно гордиться?

– Мы вовсе не считаем, что достигли преклонных лет. И нам ни в коей степени не грозит, скажем, кризис переходного возраста. Мы все очень молоды и активны. Но вы задали очень трудный вопрос. Вы хотите, чтобы мы рассказали вам о своих слабостях, открыли слабые

стороны. А ведь мы сейчас находимся в самом начале пути, только приступили к осуществлению плана Балтийского моря. Когда Вы приедете к нам на будущий год, наверное, уже можно будет узнать об этом больше... А о наших преимуществах. Они в том, что мы – как будто семья из девяти человек. И в этом наша сила.

– Понимаю, что трудно оценивать близких, членов своей «балтийской семьи». И все же, кем из них по работе в Хелкоме вы могли бы гордиться, а кто обретается среди «двоечников»?

– Наша работа – особенная. Мы все вместе выработываем рекомендации. Но потом многое зависит от самих государств, от того, как они выполнят свое «домашнее задание»...

– А на каком месте в «семье девяти» находится Россия?

– Я думаю, что ваша страна довольно серьезно сейчас работает над ликвидацией загрязнений на Балтике. Ну, и, кроме того, может ли быть иначе, если уже с июля 2008 года именно Россия председательствует в Хелкоме...

– А что, это происходит как-то чисто механически? Существует специальная процедура ротации или председателем становятся по какому-то особому признаку, за специальные заслуги.

– Можно сказать, что процедура «механическая». Просто председатели меняются, и происходит это по английскому алфавиту. Теперь вслед за Польшей наступает черед России... И это очень хороший принцип для вовлечения всех государств в общую работу.

Ингерманландский заповедник

Северо-Европейский газопровод пройдет очень близко от островов, на которых уже много лет пытаются создать заповедник.

Об этом тоже говорили в Хельсинки.

Когда был завершен первый этап международных консультаций по проекту строительства Северо-Европейского газопровода через Балтийское море, РРЭЦ – Российский Региональный экологический центр (см. сайт www.rusrec.ru) организовал серию переговоров между экологическими организациями Северо-Запада России и экспертами компании «Норд Стрим», которая будет строить этот газопровод. Уникальный процесс РРЭЦ начал еще в Петербурге. Хотя, оговоримся, уникален он только для России. В других странах, когда строится что-нибудь столь же грандиозное, по степени вмешательства в природную среду, как газопровод на дне Балтики, степень общественного участия в обсуждении, в подготовке к экологической экспертизе намного выше, чем у нас. Уникален сам факт вступления в переговоры крупнейшего «эксплуататора недр» с известными экологическими НКО, в основном, алармистского толка. Вопреки распространенному мнению о том, что некоммерческие организации часто ищут богатых спонсоров, в этом сообществе даже сам факт переговоров с газовой или нефтяной компанией иногда способен нанести ущерб репутации. Однако российские экологи-общественники на этот шаг пошли не только потому, что авторитет РРЭЦ и его сотрудников начисто снимал подозрения в корысти, но и потому еще, что, извините за парадокс, корысть все-таки была. Хотя самого высокого свойства. Например, экологические организации балтийских городов приняли участие в этих переговорах, чтобы максимально снизить неизбежный для природы ущерб от громадной стройки. У питерцев главный интерес был в том, что Норд Стрим поможет закреплению Ингерманландского заповедника. Прямо здесь на островах Финского залива.

Мы занимались этим уже давно, разными путями. Прошлой осенью сеть общественных организаций северо-запада России обратилась с призывом поддержать проект создания Ингерманландского заповедника в Российской части Финского залива к шестой конференции министров «Окружающая Среда Европы». Но заповедник оказался просто заколдованным! Давно уже соседи, Россия и Финляндия сотрудничают в области экологии. Одна из совместных программ называлась «Зелёный пояс Фенноскандии» и включала создание системы охраняемых природных территорий и там, и здесь. Только с финской стороны обязательства по программе уже выполнены. А с нашей – нет. Зелёный Пояс Фенноскандии это комплекс существующих и планируемых охраняемых территорий на севере Европы – в Скандинавии, Финлян-

дии, Карелии и на Кольском полуострове. Зелёный Пояс Фенноскандии было предложено включить в Список всемирного наследия ЮНЕСКО еще в середине 1990-х гг. Больше 10 лет назад (в 1996–1998 гг.) Биологический НИИ Санкт-Петербургского университета подготовил проект организации морского заповедника «Ингерманландский», расположенный на островах Российской части акватории Финского залива (17 000 га, из них 16 000 га акватории). Правительство Ленинградской области тоже ходатайствовало о его организации. Эти острова почти полвека берег режим закрытой пограничной зоны и сохранил его. Практически нетронутые ландшафты, биологическое многообразие морских и прибрежных экосистем, редкие виды животных и растений, внесённые в Красные книги России. Еще там находятся крупнейшие миграционные стоянки и гнездовые колонии птиц, щенятся тюлени и располагаются нерестилища промысловых видов рыб. Проект организации государственного заповедника «Ингерманландский» в восточной части Финского залива был утвержден постановлением губернатора Ленинградской области от 11 марта 1999 г. Предложение об организации заповедника было одобрено распоряжением Правительства РФ от 23 мая 2001 г. № 725-р и внесено в перечень государственных природных заказников и национальных парков, которые предусматривается организовать на территории Российской Федерации в 2001–2010 годах. В настоящее время Министерство природных ресурсов и экологии РФ готовит обновленные материалы для создания заповедника. По оптимистичным прогнозам – новая охраняемая природная территория появится в конце 2009 года. Это практически совпадает по срокам с началом работ по прокладке газопровода. Этот заповедник помог бы связать систему охраняемых природных территорий

Международная встреча в Риге

04/2009

России, Эстонии и Финляндии на Финском заливе. И свои международные обязательства по сохранению биоразнообразия Балтики мы выполнили бы. А нам ведь теперь не к лицу слово не держать, раз уж мы заняли нынче председательское место в ХЕЛКОМЕ.

Норд стрим

По оценкам экспертов, в настоящее время потребность Европы в природном газе приближается к 500 млрд. кубометров. В 2015 году это будет уже 700 млрд. 55 из них станет поставлять Северо-Европейский газопровод, который протянется по балтийскому дну на 1 200 километров. Первые поставки газа планируют начать в конце 2011 года. За это время проект газопровода из двустороннего, российско-германского, стал многонациональным, в нем заняты больше десятка крупных европейских компаний. Российский премьер-министр Владимир Путин заявил, что, «как минимум, пять стран будут получать наш продукт, наш российский газ в Европу. Это, естественно, сама Федеративная Республика Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды, Дания».

Так вот, организация Ингерманландского заповедника сейчас становится одним из выигрышных условий согласования Балтийскими странами строительства трассы Северо-Западного газопровода. Хотя сам Ингерманландский заповедник не попадает в зону прокладки трубы, но его признание поможет сохранить природные комплексы Российской части Финского залива, где будет и уже проходит строительство, компенсируя тем самым неизбежный ущерб от большой стройки.

На Севере России

Первая встреча НКО и экспертов прошла в Санкт-Петербурге, в Николаевском дворце

Хельсинки. Международные консультации НКО

с большим привлечением прессы. Следующая – (не считая промежуточных, рабочих) в Хельсинки. В европейских странах, мимо которых «пройдет труба», информационные и другие встречи подрядчик уже проводил. С ноября 2006 года, с момента официального уведомления о проекте, компания «Норд Стрим» получила от балтийских стран 129 заявлений с вопросами по безопасности проекта. О его воздействии на морское дно, на рыболовство, о проблемах захороненных на морском дне оставшихся с войны боеприпасов, в том числе химического оружия. Больше всего вопросов поступило от Финляндии – 50, Германия и Швеция задали по 29, чуть меньше другие страны балтийского региона. А вот из российских первоначально был зарегистрирован всего один.

На предварительной встрече в Петербурге мы потребовали знакомства с результатами общественных слушаний на информационных встречах в других государствах в зоне влияния трубопровода. Всю документацию по российской части газопровода и его воздействию на окружающую среду. При этом представители компании «Норд Стрим», например, заверили экологов, что маршрут газопровода спланирован таким образом, чтобы не пересекать мест захоронений химического и другого оружия. На эту тему, о возможных местах затоплений оружия, об информации на эту тему директор департамента «Норд Стрим» Дирк фон Амелън высказался так: «Что касается российского сектора, то действительно это такой тонкий, деликатный вопрос, но в то же время мы работаем вместе с очень хорошей российской компанией, позволяющей нам выполнять наши обязательства и следовать тем высоким стандартам, которые мы ставим в области охраны труда, окружающей среды и техники безопасности. В том числе и тех специалистов, которые будут работать на барже-трубоукладчике». Однако нам все же хоте-

лось знать, если, например, такая встреча (с боеприпасами на дне) все-таки произойдет, как поступят с тем, что обнаружат. Если все же извлекут и пусть даже с большой осторожностью, то совершенно не факт, что тотчас же будет найдена возможность их уничтожить.

Так что многие вопросы требовали внимания.

После зимних консультаций в Хельсинки, где Петербург представляла ассоциация «Экоцентр», мы совещались 14 мая в Риге. Это был круглый стол, на котором представители НКО Балтийского региона (из Германии, Латвии, Литвы, России, Швеции и Эстонии) встретились с семью специалистами компании Норд Стрим. Мы получили ответы на часть вопросов. Не на все! По оптимизации маршрута,

по уменьшению рисков влияния на морское дно и вообще окружающую природу, по развитию международной процедуры ОВОС (оценка воздействия на окружающую среду).

Начало строительства магистрали по-прежнему планируется на весну 2010 года. И от имени НКО России был задан вопрос о потенциальной угрозе Ингерманландскому заповеднику от возможного изменения трассы газопровода, если она пройдет не севернее, а южнее острова Гогланд. Там возникло предложение в ближайшее время обсудить проблемы заповедника на специальной встрече экспертов Санкт-Петербурга с представителями компании.

В Риге снова спрашивали об используемых технологиях, о безопасности проекта, в том числе по химическому оружию, затопленному в Балтийском море, о радиационных отходах. Представители НКО вполне искренне отметили, что такой полезной и открытой встречи у них еще не было ни с одной компанией. Накануне круглого стола в Риге прошла международная встреча общественных организаций Балтийского региона, на которой представители НКО балтийских стран обменялись информацией о том, как обсуждается проект Норд Стрим в их государствах, какое к нему отношение, как информируется общественность, какие существуют опасения, связанные со строительством и эксплуатацией.

Еще одна встреча

Совсем недавно, 9 февраля уже этого года в Петербургском отеле «Коринтия» прошла еще одна, третья неформальная встреча руководителей и специалистов компании «Норд Стрим» с представителями НКО и независимыми экспертами. Ее снова организовали при содействии РРЭЦ. Как и в Риге в мае 2008 г., инициатива такого разговора принадлежала общественным организациям. Поводов для тревоги было немало. Ведь в самое ближайшее время предстоит окончательный выбор маршрута газопровода из нескольких альтернативных вариантов, в том числе и в Финском заливе. Заканчивается и непереносимая при осуществлении таких проектов дополнительная процедура оценки воздействия на окружающую среду, предусматривающая трансграничный аспект. К тому же впереди этап общественных консультаций результатов ОВОС.

Анализ различных вариантов маршрута трубопровода в Финском заливе возле острова Гогланд был выполнен независимым общественным экспертом Александром Сутягиным (НКО «Мониторинг БТС»), он подробно рассказал о возможных негативных последствиях. По его мнению «Южный вариант» маршрута усиливает отрицательное воздей-

Петербург. Директор департамента «Норд Стрим» Дирк фон Амелън

ствие проекта на морской заповедник «Ингерманландский», и на основные рыбопромысловые участки российской части Финского залива. Активность судоходства на юге от Гогланда и опасные объекты на дне Финского залива увеличивают риски повреждения газопровода. Интересно, что выводы компании «Норд Стрим», представленные экспертом Саймоном Боннелом, к примеру, *большая* на 13 км длина маршрута и близость (200 м) южного варианта к одному из островов проектируемого Ингерманландского заповедника, также говорят в пользу северного варианта.

Часть тревог высказал Александр Сутягин: «В районе бухты Портовой создается одна из самых мощных компрессорных станций, с наивысшим давлением и наивысшей температурой, так называемая «горячая труба», которая будет «продавливать» газ. И это именно на российской части. Вообще-то процесс строительства – это процесс преобразования дна. Это и для мест нереста, и для мест, где нагуливаются мальки плохое соседство. Но наиболее опасны – донные акустические мины, очень мощные по заряду. И затопленное химическое оружие. Его запасы до войны были значительны, а куда оно делось, неизвестно, очень быстро перемещалась линия фронта, так что вполне могли и затопить его у себя»...

В пресс-релизе было объяснение тревог – «Сегодня НКО региона обеспокоены тем, что трасса газопровода пройдет в непосредственной близости от островов, входящих в территорию проектируемого заказчика «Ингерманландский». Независимые эксперты разделяют эту тревогу, подтверждая, что даже при соблюдении всех требующихся мер и необходимых ограничений, влияние проекта на экосистемы Финского залива, морские и островные природные комплексы окажется значительным».

На встрече Ольга Сенова, член правления международной Коалиции Чистая Балтика, и руково-

датель организации «Друзья Балтики», передала представителям компании «Меморандум о социальной ответственности при осуществлении проекта «Северо-Европейский газопровод», подготовленный российскими НКО. В качестве компенсационных мер за ущерб природе Финского залива НКО предложили компании оказать поддержку созданию Ингерманландского заповедника и ознакомить весь персонал компании и подрядных организаций, участвующих в проекте, с ценностью уникальной природы Балтики.

Собравшимся очень подробно рассказали о результатах экспертных исследований, о порядке общественных консультаций по отчету ЭСПО. Это консультации с общественностью по результатам оценки воздействия проекта на окружающую среду в трансграничном контексте в соответствии с Конвенцией ЭСПО. Российские НКО были крайне заинтересованы, чтобы такие обсуждения прошли у нас, а не в Москве. Ведь российская часть проекта касается природной среды нашего Финского залива. С таким предложением НКО и обратились в Министерство природных ресурсов РФ. И вот пришло известие, что консультации по Отчету ЭСПО, которые называют еще и «Общественными слушаниями», назначены на 28 апреля и пройдут в Выборге.

Общий итог петербургской встречи подвела эксперт по сотрудничеству между Россией и ЕС в области экологии РРЭЦ Людмила Богдан: «Норд Стрим – коммерческий проект, значит, коммерческая выгода интересует компанию больше всего. Общественность же не имеет никакого коммерческого интереса, ее заботит только состояние окружающей

среды. Это в сущности два разных инструмента, два разных языка для взаимодействия. И две стороны, говорящие на разных языках, даже если они позитивно настроены, очень плохо понимают друг друга. На первой встрече говорить было очень трудно, было очень много агрессии, потому что экологи выставляли свои требования Норд Стриму. А представители компании не понимали их. Им представлялось, что это агрессия, что у экологов есть какие-то свои собственные выгоды, которые они пытаются получить, отговаривая руководителей от проекта. А экологи, в свою очередь объясняли их неуступчивость тем, что бизнес желает малой кровью добиться больших результатов. Первый разговор был очень трудным. Второй стал более конструктивным. Третий – еще более. Сегодня он был вполне конструктивным. Люди начинают понимать интересы друг друга. При этом сомнения и опасения экологов, некоторое даже давление их принесли определенную выгоду и проекту. Учитывая экологические опасения, проект становится более экономичным и более выгодным. В противном случае хозяину проекта пришлось бы отвечать за ущерб окружающей среде, который он нанесет в будущем. Так что это полезно самому проекту с точки зрения экономической выгоды».

Представители встречи со стороны Норд Стрима пообещали, что все опасения российских НКО, высказанные в ряде встреч, и до сих пор не вошедшие в широко известную Белую Книгу, подготовленную и изданную в 2008 году компанией «Норд Стрим», в обновленном варианте Белой Книге будут отражены.

Александр Рудницкий

Что мы потеряли?

Отмечая 20-летие первых демократических выборов в России, полезно вспомнить основные принципы действовавшего тогда Закона «О выборах народных депутатов СССР» и сопоставить их с нормами последнего варианта ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ».

Закон 1987 г. – результат компромисса. Двуглавый орел является его прекрасной аллегорией – одна голова смотрит в советское прошлое, другая – в демократическое будущее России. Кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР избирались

по одномандатным избирательным и национально-территориальным округам по 750 мест в парламенте и от общественных организаций – еще 750 мест. Установленные законом квоты для общественных организаций вполне соответствовали советским традициям и гарантировали безусловную победу «блока коммунистов и беспартийных». По 100 мест в парламенте было зарезервировано за КПСС, за профсоюзами – школой коммунизма, за кооперативами и колхозами (уверен, что число колхозников, знавших имена назначенных от их имени депутатов, равнялось нулю) и по 75 – за ВЛКСМ, за Комитетом советских женщин, за ветеранскими организациями, за АН СССР и другими научно-техническими организациями, за творческими союзами и за другими всесоюзными общественными организациями. Выдвигаться кандидаты могли на региональном или даже районном уровнях, но избирались в Москве. Закон не требовал для этого проводить съезды, до-

* Александр Рудницкий, НО ИППО «Мемориал», член РК НТС. Текст выступления на круглом столе «20-я годовщина демократических выборов в России», организованном и проведенном 26.02.2009 г. Сибирской академией государственной службы и новосибирским областным «Мемориалом».

** Речь идет о выборах 4 апреля 1989 г., которые, безусловно, были первыми демократическими выборами в посттоталитарный период истории России. – Гл. ред.

статочно было решения всесоюзного коллегиального органа. В результате в КПСС на 100 мест было выдвинуто 100 человек – все кроме Е.К. Лигачева (один воздержавшийся) были избраны единогласно. В Академии наук не набрали необходимого большинства А.Д. Сахаров, выдвинутый кандидатом 60-ю НИИ, Р.З. Сагдеев – 25 НИИ и Д.С. Лихачев – 20 НИИ, зато 22 из 23 депутатов – были руководителями республиканских академий, научных центров АН и СО АН. Критики этой системы так охарактеризовали итог тех выборов: «Фактически на Пленуме произошло самовыдвижение руководящих лиц АН СССР». Такая форма государственной власти в Древней Греции называлась аристократией.

Но процедуры выборов по одномандатным округам вполне соответствовали романтическим представлениям о демократии тех лет. Кандидаты выдвигались трудовыми коллективами, общественным организациям, собраниями избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям, и они до голосования имели право отозвать своих кандидатов. Если по округу выдвигалось более двух кандидатов, то окружная избирательная комиссия была обязана организовать окружное собрание для утверждения списков кандидатов. Участники окружного предвыборного собрания делегировались трудовыми коллективами, органами общественных организаций, собраниями избирателей по месту жительства, военнослужащих по воинским частям, выдвинувшими кандидатов в депутаты, в равном количестве по нормам, установленным окружной избирательной комиссией. Не менее половины участников собрания должны были составлять избиратели данного избирательного округа. После этого окружные избирательные комиссии регистрировали кандидатов.

Финансирование избирательной кампании осуществлялось государством. Кандидаты в народные депутаты СССР и избиратели не несут расходов, связанных с подготовкой и проведением выборов. Кандидаты на время выборов освобождались от работы, и им сохранялась средняя заработная плата за счет средств, выделяемых на проведение выборов.

Трудовым коллективам, избирателям по месту жительства и общественным организациям, выдвинувшим кандидатов в депутаты, предоставлялось право беспрепятственной агитации за своих кандидатов. Им избирательными комиссиями предоставлялись оборудованные помещения для собраний и митингов, а также средства массовой информации для ведения предвыборной агитации, и была гарантирована возможность свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации за или против кандидатов на собраниях, в печати, по телевидению, радио.

Депутатам гарантировалось право на выступление перед избирателями, а государственные и общественные органы, руководители предприятий, учреждений, организаций, органы общественной самодеятельности населения были обязаны оказывать кандидатам в народные депутаты СССР содействие в организации встреч с избирателями и членами общественных организаций, в получении необходимых справочных и информационных материалов.

Представители трудовых коллективов, общественных организаций, собраний избирателей, доверенные лица, а также представители СМИ, имели право присутствовать на всех заседаниях избирательных комиссий.

Избранным считался кандидат, получивший на выборах больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Выборы признавались несостоявшимися, если в них приняло участие менее половины избирателей, внесенных в списки избирателей.

Результаты выборов по одномандатным округам вызвали шок у руководства страны. Был разрушен пропагандистский миф о любви народа к советской власти, в который большинство руководителей искренне верили. Избирательная комиссия онемела до четверга (как Сталин в 41 году!), а потом все же вынуждена была признать, что на выборах проиграли соперникам 39 первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС, все партийное руководство Москвы и Ленинграда, председатели КГБ Латвии, Литвы, Эстонии и Узбекистана, 4 командующих военными округами, председатели президиума верховных советов Азербайджана и Казахстана, председатели Совета министров Латвии и Литвы, многие председатели областных советов.

Зато были избраны в парламент шахтер из Киселевска Теймураз Авалиани, подполковник Руслан Аушев, психолог и педагог Шалва Аманашвили, следователь Тельман Гдлян, председатель народного фронта Латвии Дайнис Иванс, осужденные ранее за экономические преступления братья Стародубцевы, деятели кино и театра Тенгиз Абуладзе, Ролан Быков, Олег Ефремов, Марк Захаров, Кирилл Лавров, Михаил Ульянов, музыканты Ирина Архипова, Иосиф Кобзон, Игорь Лучинок, Евгений Нестеренко, Родион Щедрин, писатели Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Василь Быков, Борис Васильев, Расул Гамзатов, Даниил Гранин, Сергей Залыгин, Фазиль Искандер, Валентин Распутин и многие, многие другие – врачи, педагоги, ученые, которыми гордилась вся страна. Получив возможность, народ не стал скрывать своих чувств. Другого такого парламента у нас не будет! И нигде в мире не будет...

В Верховном Совете была создана влиятельная Межрегиональная депутатская группа (сначала в нее вошли 256 депутатов), сопредседателями ко-

торой стали Андрей Сахаров, Борис Ельцин, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов и Виктор Пальм. Квотирование не достигло своей цели, многие депутаты, прошедшие по квоте общественных организаций, вскоре покинули фракцию КПСС. Например, Николай Травкин, позже побывавший во всех демократических партиях. В целом, демократическая часть закона «О выборах депутатов Верховного Совета СССР» привела к невообразимой ранее политической жизни в стране, но сторонники реформ в парламенте оказались в меньшинстве. «Молчаливое большинство» было способно заблокировать любое предлагаемое демократическое решение. Это и определило половинчатость проводимых реформ.

ФЗ «О выборах депутатов ГД ФС РФ» в версии 2007 г. также декларирует всеобщее, равное и прямое избирательное право на основе тайного голосования, но на самом деле в нем последовательно развиты принципы, использованные 20 лет назад для избрания депутатов от КПСС и других всесоюзных общественных организаций.

Кандидаты выдвигаются только допущенными к выборам партиями, процедура их выдвижения определяется уставами этих партий, но федеральные списки кандидатов утверждаются на съездах партий в столице. Фактически этот вопрос отдан на откуп функционерам партий. Остальные избиратели никак не могут повлиять ни на выдвижение кандидатов, ни тем более на их отзыв.

Финансируется избирательная кампания только из избирательных фондов этих партий. А так как любые агитационные материалы должны предварительно оплачиваться из этих фондов, норма, гарантирующая гражданам РФ право проводить предвыборную агитацию «в допускаемых законом формах и законными методами», является чистой демагогией. Законом не предусмотрено легитимных форм агитационной деятельности (кроме бесплатного Интернета).

Пример лицемерной казуистики законодателя: «лицам, замещающим государственные или выборные муниципальные должности, запрещается проводить предвыборную агитацию... за исключением случаев, когда указанные лица включены в зарегистрированный федеральный список кандидатов». Но всем известно, что многие губернаторы и мэры в качестве «паровозов» включались в списки «Единой России» и «Справедливой России», заодно приобретая законное право на предвыборную агитацию.

Но и допущенные к выборам партии не вправе на каналах ТВ распространять призывы голосовать против какого-либо федерального списка кандидатов или отдельного кандидата, описывать возможные негативные последствия в случае, если тот или иной федеральный список кандидатов будет допущен к распределению депутатских мандатов, или какой-нибудь кандидат будет избран, распространять информацию о каком-либо списке или

кандидате с негативными комментариями или создающую отрицательное отношение избирателей к политической партии, участвующей в выборах или их кандидатах. Такой вот апогей политкорректности!

На заседания избирательных комиссий допускаются только представители партий, участвующих в выборах, – они могут быть членами избирательной комиссии с совещательным голосом и наблюдателями, – а также **иностранные наблюдатели**. Россия – одна из немногих стран мира, в которой по старой традиции иностранцы пользуются большими правами, чем собственные граждане.

Выборы считаются несостоявшимися, если все федеральные списки во всей РФ получили менее 7% или все федеральные списки кандидатов получили в совокупности не более 60% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Фактически избиратели полностью изолированы от участия в избирательной кампании, им сохранили только право голосовать.

Но реальная ситуация гораздо хуже. Даже это убогое избирательное законодательство систематически нарушается. Судебная система защищает не закон, а правящую партию. Злокачественный правовой нигилизм, разрушающий государство, признан президентом, но ничего не делается для его обуздания. На недавних выборах мэра Новосибирска Владимир Городецкий, фактически, обошелся без соперников, без дебатов с ними, без критики, а для привлечения избирателей на избирательных участках раздавались дисконтные карты. По действующему законодательству результаты таких выборов должны быть аннулированы, а наш городничий не опасается суда – ни мирского, ни Божьего. Но вертикаль управления, в которой возможны подобные «выборы», обречена. Не может быть устойчивой система управления любым сколько-нибудь сложным объектом без обратной связи, и уж тем более в сегодняшнем мире она не может быть конкурентоспособна.

Возвращаясь к нашему сравнению, заметим, что и через двадцать лет избирательное законодательство все еще похоже на двуглавого орла, одна голова которого по-прежнему смотрит в советское прошлое, а другая – в советское будущее. Но совершенное очевидно – такого будущего у России нет.

Благодарю президента правозащитного фонда «Вена-89» А.П. Мананникова, привлекшего мое внимание к этой юбилейной дате и поделившегося интересными воспоминаниями, директора Института развития прессы-Сибирь В.П. Юкечева, напомнившего профессию Теймураза Авалиани на момент его избрания, проф. В.Л. Шейниса, уточнившего итоги избрания депутатов от АН СССР, и ведущего круглого стола проф. А.Ю. Малышева, дополнившего мое сообщение данными избрания по одномандатным округам.

Николай Браун

«Я не инакомыслящий, я — мыслящий, это опаснее...»

Отец его выносил из «Англетера» тело поэта Сергея Есенина, мать состояла в родстве с Осипом Комиссаровым, спасшим жизнь императору Александру Второму. Сам же он был осужден как антисоветчик, в вину которому вменялась подготовка покушения на генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и подготовка к взрыву мавзолея другого Ильича — Владимира Ульянова-Ленина. А свидетелем на суде у него выступал депутат I Императорской Государственной Думы Василий Шульгин, присутствовавший при отречении от престола Николая Второго. Такого переплетения или даже хитросплетения человеческих судеб и придумать, кажется, невозможно...

«Дети рождаются в семьях лесорубов, инженеров, плотников, артистов балета, космонавтов. Это уж как кому повезет. Я родился в семье поэтов. Поэтов, которые жили в советскую эпоху и публиковались в советских изданиях, что впоследствии я для себя считал принципиально невозможным» — говорит петербуржец, поэт и бывший политзаключенный Николай Браун.

— Николай Николаевич, ваши родители, Николай Леопольдович Браун и Мария Ивановна Комиссарова, были советскими людьми...

— Они были советскими людьми, но от большинства советских людей их отличало то, что они никогда не состояли ни в комсомоле, ни в партии. Состояли только в Союзе советских писателей.

В августе 1926 года, во время борьбы безбожного государства с религией, обвенчались в церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове. Через одиннадцать лет церковь была закрыта и полностью разорена, и я так и не нашел ни в одном архиве той церковной книги, где была сделана запись о венчании моих родителей.

Конечно, весь тот период нашей жизни был советским, и не считать себя принадлежащим тому периоду литературы мог только писатель, активно противостоявший советской идеологии в своем творчестве — как православный автор или как антикоммунист. Например, несоветским поэтом и философом был наш современник Даниил Андреев, все главные свои произведения создавший в заключении, во Владимирской крытой тюрьме. Я вспомнил о нем потому, что цикл его тюремных стихов впервые в СССР опубликовал Николай Леопольдович Браун, который в 1960–1970-х годах был редактором поэтического отдела журнала «Звезда», а стихи эти он получил от его родного брата Вадима, тоже не советского автора, который жил в эмиграции, в Женеве. Повесть Вадима Андреева «Дорога в детство» была также помещена Николаем Леопольдовичем на страницах «Звезды», они состояли в дружеской переписке. Между прочим, именно Вадим Леонидович, которого я хорошо знал, вывез из СССР с целью публикации, — что давно уже не секрет, — «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Дом у нас был хлебосольный, многолюдный. О чем только не говорили в нашем доме! Не говорили о достижениях пятилеток, стахановцах и колхозах. Говорили о поэзии, искусстве, рассказывали забавные истории, но не политические анекдоты. Пели народные песни, песни на стихи Есенина.

Имена: Гумилев, Есенин, Клюев — в нашей семье были звучащими не случайно. Они относились к категории поэтов, о которых рассказывали с душевным волнением, иногда шепотом, но всегда с любовью, с величайшим пиететом. Николай Леопольдович в 1919–1920-х годах конспектировал лекции Николая Гумилева, посещая его «Цех поэтов». Из своих сверстников в студенческие годы Николай Леопольдович был в дружбе с Николаем Заболоцким, выпускал с ним машинописный журнал. А из старших поэтов-учителей многократно посещал Николая Алексеевича Клюева.

Имена: Гумилев, Есенин, Клюев — в нашей семье были звучащими не случайно. Они относились к категории поэтов, о которых рассказывали с душевным волнением, иногда шепотом, но всегда с любовью, с величайшим пиететом. Николай Леопольдович в 1919–1920-х годах конспектировал лекции Николая Гумилева, посещая его «Цех поэтов». Из своих сверстников в студенческие годы Николай Леопольдович был в дружбе с Николаем Заболоцким, выпускал с ним машинописный журнал. А из старших поэтов-учителей многократно посещал Николая Алексеевича Клюева.

* С Николаем Николаевичем Брауном беседовал Владимир Желтов.

04/2009

Пройдя блокаду и обыски, чудом сохранился автограф его стихотворения «Богатырка» и двухтомник его «Песнослава», подаренные им семье Брауна. На первом томе дарственная надпись: «Николаю Брауну – мое благословение на жизнь песенную. Дано в Благовещенье. 1926 г. Н. Клюев». Марии Комиссаровой на Троицу он подарил складень, а название ее первой книги, вышедшей в начале зимы, – «Первопуток», – подсказал ей также Николай Алексеевич. О знакомстве отца с Сергеем Есениным и о том, что связано с гостиницей «Англетер» – разговор отдельный, но чуть позже.

Мария Комиссарова после войны, Второй мировой, написала поэму «Лиза Чайкина». Ей хотелось показать настоящего героя в обстоятельствах войны, которая была исключительно жестокой. Имя героини подсказала случайная встреча с рядовыми жителями Тверской области: «Вот у нас была такая партизанка...». И Комиссарова поехала на место подвига партизанки, познакомилась с ее родителями, расспросила всех, кто был очевидцем событий. И тогда сюжет поэмы был готов, он не был основан на вымысле.

Существуют разные истории из времен войны, скажем, история «Молодой гвардии». К нам в дом приезжал из Москвы Александр Фадеев, Фадеева я знал. В лагерях я еще застал тех, кто получил большие сроки по делу о «Молодой гвардии». Один из них – бургомистр Краснодона Стаценков Василий Илларионович, у него был срок 25 лет, 20 владимирской крытой тюрьмы и 5 спецстрогого режима мордовских политлагерей, где мы и встретились. От него я узнал, что фадеевская, ставшая хрестоматийной история «Молодой гвардии» не совсем соответствует действительности. Так же, как не соответствует действительности история о Зое Космодемьянской. А Лиза Чайкина была настоящим, не придуманным героем своего времени. Поэма Марии Комиссаровой удалась и получила широкую известность, многократно переиздавалась.

– *Когда и при каких обстоятельствах познакомились ваши родители?*

– На вечере, где отмечалась годовщина памяти Блока 7 августа 1922 года выступали поэты, выступал и Браун. Мария Комиссарова после выступления Николая Леопольдовича стала о чем-то его спрашивать. Один вопрос, второй вопрос. Он ответил коротко и сказал: «Подойдите ко мне после выступления». Она подошла.

– *Браун не знал, что Мария Ивановна пишет стихи?*

– Тогда еще не знал. Она сказала ему, но он не придавал ее словам значения.

– *Николай Николаевич, в предисловии к книге ваших стихов «Потаённая колокольня» сказано, что Мария Комиссарова долго скрывала, что она состоит в родстве с Осипом Комиссаровым...*

– Фамилия которого, так же, как и фамилия матушки писалась с одной «с». Об этом родстве она не хотела подробно рассказывать, но я так понял, что даже крестные – «коки» их дедушек и бабушек были какими-то родственниками. Они с Осипом Ивановичем из одних и тех же мест Костромской губернии. Могу сказать со всей ответственностью: то, что писалось в советской печати об Осипе Ивановиче, например, что он спился и повесился, неприкрытая ложь. Комиссаров за свой поступок получил дворянское звание и крупное денежное вознаграждение, о чем было не принято говорить при советской власти. Я нашел документы о том, что ему было подарено большое имение на Юге, точнее в Екатеринославской губернии. Раньше оно принадлежало жандармскому генералу Свечину. Осип Иванович развел там большое хозяйство, выращивал какие-то замечательные груши. Что же касается его костромского прошлого, говоря сегодняшним языком, он был предпринимателем. Имел причастность к меховой торговле, к торговле шапками.

– *Зачем же понадобилось превращать его в крестьянина?*

– Так было принято. «Из какого сословия пошел?» – «Из крестьян». – «Так и запишем». Когда 4 апреля 1866 года в Летнем саду Осип Комиссаров увидел, что некий молодой человек целится в Царя, он бросился к нему, ударил его по руке и пуля ушла вверх. У меня нет никаких сомнений в том, что, если бы понадобилось, Осип Иванович закрыл бы Государя своим телом.

Сейчас, когда у каждого средней руки бизнесмена и дрожащего за свою жизнь среднего политика вооруженная до зубов, хорошо подготовленная охрана, трудно представить, что у Государя Императора не было никакой охраны. Никому в голову не могло прийти, что в Царя-освободителя будут стрелять. Он же ничего плохого для России не сделал. Да и сам он не понимал, в чем провинился. А на него, между тем, была открыта настоящая охота.

– *Еще не так давно на месте покушения на решетке Летнего сада висела мемориальная доска...*

– Я ее очень хорошо помню. На беломраморной табличке крупными золотыми буквами было написано «На этом месте революционер Каракозов стрелял – и дальше мелким шрифтом – в Александра Второго» (цифрой). Даже не было указано «Императора». А еще раньше на месте чудесного спасения стояла часовня. Известный русский поэт Николай Алексеевич Некрасов в те дни посвятил Осипу Комиссарову стихотворение, широко опубликованное, где говорилось о близости Царя и народа. Городская общественность в течение месяца отмечала событие, которое стало историческим.

– *В связи с чем появилась вторая «с» в фамилии матери?*

– В советское время появилась. Добавила эту букву, конечно же, не сама Мария Ивановна, а при-

писали ей, когда выдавали документы. У меня есть свидетельство об окончании матушкиной гимназии, там одно «с».

– **Николай Николаевич, как Николай Леопольдович познакомился с Сергеем Есениным?**

– Он был знаком со многими поэтами своего времени – с Николаем Гумилевым, Николаем Клюевым, Павлом Васильевым, поэтами из круга Есенина – Иваном Приблудным, Алексеем Ганиным, Петром Орешиним. С Сергеем Александровичем отца в нашем городе познакомил Клюев.

Об их довольно близком знакомстве говорит тот факт, что Сергей Александрович подарил отцу автографы двух своих стихотворений: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» и «Мне осталась одна забава: пальцы в рот – и веселый свист!...» Они каким-то чудом тоже, как и «Песнослов», уцелели во время блокады и обысков, и сейчас хранятся в моем архиве.

У отца была замечательная память. Он намеренно не писал воспоминаний, даже не хотел слышать об этом. Только в середине 60-х впервые рассказал мне, уже взрослому, о том, как выносил убитого Есенина из «Англетера». Оказавшись в мордовских спец-строгих политлагерях, я на лагерном свидании обратился к отцу с просьбой написать о Есенине. Рассказать все, как было. В надежде, что после освобождения опубликую его воспоминания за рубежом. У меня был большой срок – 10 лет (статья 70 УК РСФСР), который я отбыл до конца (1969–1979). Отец прислушался к моей просьбе, выполнив ее частично. Воспоминания написал, но в них рассказал заведомо только то, что могло быть опубликовано в советской печати.

– **Каким образом в тот роковой для Есенина декабрьский день 1925 года Браун-старший оказался в «Англетере»?**

– В редакции журнала «Звезда», где в ранний час были двое: Николай Браун и Борис Лавренев, позвонили из «Англетера» и попросили обоих прийти, сообщив, что Есенин покончил с собой. Писатели должны были увидеть Есенина мертвым и подтвердить версию суицида. О том, что Есенин покончил самоубийством, в гостинце рассказали Медведев, Фроман и Эрлих. Но и они, как оказалось, ничего своими глазами не видели. Им тоже «рассказали».

Покойный уже был приготовлен для демонстрации. Первоначальные фотоснимки, которыми мы сегодня располагаем, свидетельствуют и подтверждают то, что мне рассказывал отец. У Есенина были изрезаны, похоже, бритвой, руки. Но совсем не поперек, а вдоль. Как при пытке. Левый глаз выбит. В ноздрях застыла жидкость, очень напоминавшая головной мозг. Череп пробит в лобной части. Две вмятины чуть повыше переносицы. Николай Леопольдович говорил: «Как будто сдвоенной железной палкой ударили!» А может быть, рукоятью пистолета. Неизвестно, какого именно,

ведь Есенин с собственным пистолетом не расстался. На мой вопрос, которая из ран оказалась смертельной, отец сказал: «Та, что под правой бровью». Отец в голодное время, в 1919-20 годах, чтобы выжить, работал санитаром «скорой помощи». На покойников он насмотрелся, среди них попадались и самоубийцы. Да и анатомию он неплохо знал.

«Когда Есенина нужно было выносить, – рассказывал отец, – я взял его, уже окостеневшего, под плечи. Волосы рассыпались мне на руки. Запрокинутая голова опала. Были сломаны позвонки». При повешении у человека расслабляются все органы. При убийстве – нет. И на полу и на диване, куда положили труп Есенина, было сухо. Никакой врач не поверит, что перед ним самоубийца, если мочевого пузыря не опорожнил. Не было ни посинения лица, ни высунутого языка.

Браун с Лавреневым категорически отказались подписаться под протоколом, где говорилось, что Есенин покончил с собой. Протокол был составлен, даже на первый взгляд, неумело, примитивно. Но под ним уже стояли подписи сотрудников ОГПУ Вольфа Эрлиха и Павла Медведева, секретаря Союза писателей Михаила Фромана и поэта Всеволода Рождественского. Николай Леопольдович тут же упрекнул последнего, когда они вышли на улицу: «Сева, как же ты мог под этим подписаться? Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал!» Он ответил: «Мне сказали – нужна еще одна подпись».

– **Николай Николаевич, вернемся в «сороковые – роковые». Начиная с Браун в Севастополе. Где Ленинград, а где Севастополь...**

– Для того времени отец поступил идеально правильно. В начале войны люди с немецкими, финскими и эстонскими фамилиями могли либо быть подвергнуты депортации, либо расстрелу. Николай Леопольдович сына с женой отправил в эвакуацию, на Урал, а сам ушел на фронт, на передовую... В Севастополь попал как военный корреспондент. Там он написал стихи «Последняя ночь в Севастополе».

После того, как Севастополь пал, отца перебросили в Эстонию. Немцы наступали стремительно, и он оказался участником трагического Таллинского перехода. Командование предприняло попытку спасти остатки Балтийского флота. Отец шел на трех транспортах. Два пошли ко дну: один разбомбили, другой подорвался на mine. То, что он видел, – это несколько Цусим! Только военных чинов, по спискам, составленным значительно позже, пошло ко дну более 33-х тысяч, гражданских лиц никто не считал. О таком нельзя было рассказывать. Чтобы не сеять панику. Он был опытным пловцом и спас многих людей своими решительными действиями. Спасенные разыскивали его уже в конце войны, после перехода он значился в реестре безвозвратных потерь. Только в конце 1960-х, начале 70-х отец напишет «Поэму

похода». Я, по возвращении, подготовил ее к печати, написал предисловие, подписал его фамилией матери, потому что под моей бы не опубликовали, принес в журнал «Звезда». Зам. главного редактора Жур, который ко мне относился по-настоящему хорошо, сказал: «Ну, как же я могу поместить поэму полностью? Одиннадцать глав помещу, а двенадцатую (она по счету не 12-я) не могу». Я не понял: «Что же вам мешает, Петр Владимирович?» – «Как начинается глава “Эвакуация”»? «Тебе всего два с половиной года, ты спишь, а ночь разорвана войной... Ты ничего еще понять не в силах...» «Вам “всего два с половиной года!”». Да сколько бы ни было! Понимаете, Николай? У вас какая статья была – политическая? Вы не реабилитированы? Мы не имеем права публиковать о не реабилитированном». Я в ответ иронизирую: «Тебе всего два с половиной года, а ты уж оценён как враг народа!». Но главным стало то, что хотя 12-я глава и стала 11-й, «Поэма похода» увидела свет.

– *Давайте пунктирно обозначим дальнейший боевой путь Николая Леопольдовича.*

– Когда после Таллинского перехода отец вернулся в Ленинград, почти сразу началась блокада. Он много раз летал на полуостров Ханко, который находился в глубоком тылу противника, в том же году написал «Гимн морской авиации». У меня есть листовки времен войны с этим гимном. Много лет спустя, когда Брауна не стало, на ленинградском радио в феврале 1977 ко второй годовщине его смерти подготовили радиопередачу, где боевой летчик, известный на Балтике ас Иван Георгиевич Романенко вспоминает о боях на Ханко: «Браун ничего не боялся, и мне пришлось дать ему сопровождающего, такого парня, который бы хватал его за полы шинели и падал вместе с ним при свисте осколков. А когда я ему сделал выговор, он ответил: «У этой их артиллерии есть мишени покрупнее, чем я». Из блокадного Ленинграда Браун вылетал на фронты. Во время войны выпустил несколько книг. Его стихи звучали по радио. Случилось так, что родной брат Николая Леопольдовича Корней попал в плен. Там его допрашивали русские следователи. Во время допроса по радиоэфиру в кабинете следователя звучала передача из блокадного города. Вдруг диктор объявил: «Стихи Николая Брауна». Следователь заинтересовался: «А это что еще за Браун?» – «Брат!» После войны Корней женился на финке, жили они в Финляндии, но он настоял на переезде в Советский Союз, где ему, как человеку, побывавшему в плену, сразу определили черту его «оседлости».

Два других брата отца с войны не вернулись. Анатолий Леопольдович, он тоже был поэтом, и однажды выступал на одном из поэтических вечеров вместе с Ахматовой, афиша сохранилась – погиб во время взятия советскими войсками Одессы. Брат Владимир Леопольдович – на Новгород-

чине, до войны он был на флоте, работал врачом, как тогда говорили «фельдшером», на ледоколе «Ермак». Иван Александрович Комиссаров, мой дед по материнской линии, умер во время блокады.

– *Мария Комиссарова фигурирует в Постановлении ЦК ВКП (б) 46-го года...*

– Когда Сталину доложили, как плохо освещаются итоги Великой Отечественной войны в советской литературе, Сталин вызывал к себе Александра Андреевича Прокофьева, председателя Союза Писателей, у меня есть стенограмма его разговора со Сталиным... Если посмотреть журналы «Звезда» и «Ленинград», в них в самом деле никто не писал о великом вожде, о его великой победе. А раз нет таких произведений, значит, виновата не действительность, которую они должны воспевать, а литераторы. Значит, с них и надо спрашивать! Неудобных Жданову писателей оказалось несколько. В их числе была и Мария Комиссарова. Всех, кто упоминается в этом постановлении ЦК, я очень хорошо знал. Включая Анну Андреевну Ахматову. С Зощенко мы жили неподалеку, хотя квартиры в доме на Канале Грибоедова, 9, находились на разных этажах. Помню потухший взгляд Михаила Михайловича. Он человеком был абсолютно порядочным, честным, и как известный, даже знаменитый советский писатель, наверное, решил, что может писать то, что думает. Почему в этом списке оказался Юрий Герман, я не знаю. Может быть, только потому, что он был человеком, имеющим свое мнение при оценке событий.

Я матушке позже, когда у нее портилось настроение, говорил: «А ты помнишь, что сказал Жданов? “Звезда” публикует упаднические стихи Комиссаровой, где все безысходно. Если ты не будешь смотреть на жизнь более весело, я буду говорить, что Жданов был прав».

– *Николай Николаевич, так как же все-таки получилось, что у советских поэтов Брауна и Комиссаровой, при всей сложности их судеб, сын вырос антисоветчиком? Можно сказать, мальчик из благополучной семьи...*

– Родители мои были, конечно, советскими поэтами. Но мои крестные не принимали советскую власть с ее расстрелами, грабежами, хамством. Я был крещен семилетним, в 45-м году, тайно, бабушкой Павлой Семеновной, в церкви на проспекте Непокоренных. Я помню, как ходил вокруг купели, и батюшка меня спрашивал: «Отрицаешься ли Сатаны? Сочетаешься ли со Христом?», и я как полагаюсь, сначала три раза отвечал: «Отрицаюсь», а затем трижды: «Сочетаюсь». У бабушки Павлы на нашей кухне на Канале Грибоедова, 9, в квартире 128, перед образком всегда горела негасимая лампада. На нее однажды, войдя в нашу открытую дверь, когда его ждали, случайно наткнулся писатель Фадеев. Я стоял в коридоре, он меня не видел. И Александр Александрович осенил себя таким маленьким крестиком...

Конечно, в нашем роду было трагическое разделение между старшим поколением, дедов и бабок, и поколением родителей.

– **Николай Николаевич, самое время рассказать про Василия Витальевича Шульгина, который выступил на суде в вашу защиту.**

– В моем обвинительном заключении и приговоре есть пункт, где мне инкриминируется чтение моих антисоветских стихов в доме Шульгина в городе Владимире. В связи с этим он и был привезен оттуда чекистами в тогдашний Ленгорсуд. Чтобы подтвердить, что я агитировал его против Советской власти и обрабатывал в антисоветском духе. Сейчас все это, конечно, выглядит бредом, но уровень горсуда был такой, что со стороны обвинения это могло казаться вполне естественным. Выступая в суде, Василий Витальевич, в частности, сказал: «Подсудимый не мог меня сагитировать против Советской власти, потому что я являюсь ее сознательным врагом, идейным врагом Ленина и большевиков. Являясь участником белого движения, я воевал с большевиками и коммунистами». И еще: «Ко мне во Владимир приехал следователь КГБ и говорит: «Ваш молодой друг хотел взорвать Мавзолей, готовил покушение на Брежнева! Он, читая свои крамольные стихи, настраивал вас против Советской власти, которую ненавидит, и выражает в них ненависть!» Василий Витальевич сделал паузу и продолжил: «И вот мы со следователем взяли его стихи и стали искать в них эту самую ненависть». Это точная цитата.

Понятно, что Шульгин – не та персона, которую я мог агитировать. Возможно, КГБ преследовал другую цель: сам факт, что меня защищает участник белого движения и монархист, с которым я поддерживал тесные отношения, можно было истолковать как утяжеляющий вину.

Судили нас шестерых, зачитали приговор, выводят во двор (он со стороны улицы Пестеля), сажают в два автозака, а по двору бегают подростки и распевают белогвардейскую песню из кинофильма «Операция “Трест”, куда были включены кадры другого, документального фильма «Перед судом истории», главный герой которого – Шульгин: «Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое: “Ура! Ура! Ура!”». Это было для меня просто подарком – они, конечно, знали, что в горсуде закончился нашумевший политический процесс, но пели ли они по собственной инициативе или их надоумил кто-то из взрослых, оставалось только догадываться.

– **Как в вашей жизни возник Шульгин?**

– Николай Леопольдович отдыхал в Гаграх, в Доме творчества писателей. Отец знал, что я под большим впечатлением от картины «Перед судом истории». Он однажды позвонил домой: «Здесь Шульгин. Прилетай!». Друзья из Владимира и Москвы достали ему путевку. Я взял билет на ближайший рейс. В Гаграх Шульгин отдыхал вместе с супругой. В результате тесного ежедневного об-

щения, Василий Витальевич предложил быть его секретарем. Он стал диктовать мне свои произведения.

Мы с Шульгиным два сезона провели в Гаграх, и оба сезона работали. Я бывал у Шульгиных во Владимире, мы переписывались. Я помогал Василию Витальевичу и его супруге в кое-каких житейских делах.

– **Николай Николаевич, Шульгин был свидетелем отречения Государя Императора от престола, участвовал в том, что произошло. В ваших разговорах вы не могли не касаться отречения...**

– Вопрос отречения был предрешен. Оно произошло бы независимо от того, присутствовал бы Шульгин при этом или нет. Он посчитал, что должен присутствовать хотя бы один монархист. Шульгин также считал, если акт отречения передадут партии монархистов, можно будет спасти монархию. Шульгин опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью «создать щит», чтобы убийства не произошло. Василий Витальевич хотел убедить Государя, что отречься ни в коем случае не надо, но, как я понял из его объяснений, у него не было такой возможности...

Вы знаете, что из себя представляет отречение Николая? Листок бумаги с машинописным текстом: «Начальнику Штаба...» Какому именно? Подпись Императора – карандашом! Текст заверен: «Министр императорского двора генерал-адъютант барон Фредерикс». Если бы не подпись Фредерикса, это, так называемое, отречение вообще можно было бы выкинуть в мусорную корзину. Документ, который даже начинающий канцелярист не принял бы всерьез.

– **Сказалось ли то, что вас осудили, на ваших отношениях с родителями?**

– На суде я, отводя беду от родителей, сказал: «Я считаю их законченными советскими писателями!» «Как? Разве они хотя бы о чем-нибудь не подозревали?» – «Нет, ни о подготовке взрыва Мавзолея, ни о покушении на Брежнева. Своих антисоветских стихов я им тоже не читал».

Так или иначе, но все резко изменилось в один день. Советские поэты стали родителями политзаключенного. С момента моего ареста у них уже был другой сын, а у меня – другие родители. Они вынуждены были пересмотреть свои предыдущие взгляды и позиции. Потому что в стране «триумфально шествующей советской власти» их мыслящему сыну уготованы тюрьма и лагерь. Значит, в чем-то была их ошибка. Николай Леопольдович ни разу с момента моего ареста ни в чем не упрекнул меня, старался понять, что же произошло. В горсуде я по просьбе судьи декламировал мои антисоветские стихи, которые были вещественным доказательством преступления: против рабских неслобод, против ввода войск в ЧССР, об утраченной благодати и о вере в предвоскресенье... Суд был закрытым, под усиленным конвоем, но моим родите-

лям давали место в зале, целиком заполненном чекистами в погонах. Николай Леопольдович слышал мои выступления и впервые – те стихи, которые менялись мне в вину.

Родители хорошо знали то, что происходило в стране на протяжении 50 лет советской власти. Слишком близко происходило и «проходило». Смерть Гумилева, убийство Есенина, расстрелы 37–38 годов... В 40-м Николай Леопольдович сам был на грани ареста и расстрела. Благодаря мне, он увидел брежневско-андроповские политлагеря ГУ-ИТУ – прямое продолжение ГУЛага. Он приезжал, читал мне свои стихи, а ему – свои, пел свои песни. Иногда под звуки автоматных очередей на ближнем полигоне, если учения охраны совпадали со свиданиями... У меня хранится альбом, в который моей матерью переписаны стихи, написанные мной в лагерях, мордовских и уральских, присланные или через кого-то переданные. Альбом избранных ею моих стихов.

На первом же свидании в Мордовии отец спросил меня: «Нам положить свои членские билеты Союза писателей СССР?» – «Ни в коем случае!» У родителей продолжали выходить книги. И я радовался, что не нанес им вреда, урона как поэтам, в их деле, которому они служили всю жизнь. Хорошо зная писательскую общественность, я был уверен, что не найдется никого, кто смог бы защитить их от идеологического давления, даже травли, пока я за семью заборами, а их в Мордовии, действительно, было семь. В связи с этим хочется вспомнить эпизод из жизни родителей после моего ареста. Когда руководству Союза Писателей было поручено собрать подписи под партийным письмом с требованием об исключении из организации А.И. Солженицына, в нашу квартиру было два телефонных звонка. Сначала – Марии Комиссаровой, из канцелярии Союза, с вопросом, согласна ли она подписать письмо с таким требованием. Она ответила спокойно: «Забудьте навсегда, это вам не 30-е годы». Следующий звонок был Николаю Леопольдовичу, из газеты «Ленинградская правда», органа Обкома КПСС, с тем же вопросом, заданным через журналистку по фамилии Витоль. Он сразу резко оборвал: «Да как Вы смеете? У меня сын в ГУЛАГе!» Подписантов, готовых угодить Советской власти, было и без родителей достаточно. Этот вопрос должен был унижить обоих, уже не молодых поэтов, оскорбить их самолюбие.

На издаваемых книгах отец оставлял автографы, адресованные мне. Годы спустя, по возвращении, я обнаружил их. На книге «Только о жизни», изданной в 1972 году, после слов, обращенных ко мне, я прочел: «...утверждать, воспевать, совершенствовать жизнь силой поэтического слова!» Я воспринял этот автограф как поэтическое завещание.

Отцу я обязан многим. Конечно, как поэту-мастеру, знатоку литературы, обязан «брауновской школе» стиха и стиля, благодаря его умению относиться к младшему с уважением, доброжелатель-

ным вниманием, что является редким свойством для крупных поэтов. Разве что Николай Гумилев умел радоваться достижениям своих учеников больше, чем своим. Отец был для меня также примером умения держать себя в обществе. Двух вещей у нас в доме не было никогда: матерной ругани и хулы на Бога. Несмотря на то, что споры бывали очень резкими, чаще на литературные темы. Что касается тем политических, то на взаимность в советской писательской среде мне, с моими взглядами, рассчитывать не приходилось. Но, не навязывая их, я всегда открыто отстаивал свои убеждения, особенно в сфере культуры. Например, говоря, что поставил своей целью вернуть России русскую поэзию, которая была под запретом. Несоветскую.

Нельзя забыть о том, что в мои политлагерные годы родители оказывали существенную материальную помощь тем моим союзникам, которые приезжали к ним вскоре после освобождения, о чем до сих пор всегда вспоминают благодарно.

Последний раз я виделся с отцом на Урале, в конце 1974 года, они навестили меня вдвоем с матерью, добившись разрешения на свидание. Тогда он был болен, хотя выглядел по-прежнему артистично, был стройным, легким в движениях. Читал мне новые стихи. Но у обоих нас было предчувствие, что эта встреча – последняя. Мы заспорили о чем-то важном, проявили крайнюю неуступчивость, и вдруг спохватившись, где мы, и почему, умолкли. И тут он, пристально посмотрев мне в глаза, в первый и последний раз в жизни перекрестил меня заметно похудевшей рукой.

Он, потерявший самых близких друзей в годы репрессий, прошедший фронты войны на суше и на море, теперь, приезжая ко мне, видел суровую неразглашаемую правду мордовских и уральских политлагерей, все больше интересовался ей. Наша невидимая душевно-кровная связь на расстоянии была постоянной. И вдруг ее не стало, некий пульсирующий поток тонкой энергии оборвался. Когда из спецчасти уральского политлагеря принесли телеграмму, я, еще не прочитав ее, знал, что это сообщение о его кончине. Его не стало 12 февраля 1975.

Мне оставалось отбывать срок еще 4 года.

Мария Ивановна дожила до того времени, когда могла вместе со мной и моими друзьями петь «Боже, Царя храни», и пришла в восторг, когда над Россией вновь взвился трехцветный флаг, под которым она родилась. С радостью подписывала все документы: за возрождение казачества, за восстановление храмов. Возлагала большие надежды на то, что жизнь изменится к лучшему.

А я – сегодня, как и раньше, имею критический взгляд на нашу действительность. И выражаю свои идеи, убеждения, подкрепленные жизненным опытом – в публичных выступлениях, в концертах, в стихах и песнях.

Антон Васильев

Виноватая Америка

Америка страшно виновата перед миром. Ни на секунду не ощущает своей вины. Хохочет над страдающим по ее вине человечеством. Отгородилась от страданий земного шара лупоглазыми куклами Диснейленда, неоновой спермой Лас-Вегаса, авианосными соединениями и космическими группировками. И мир, закованный в кандалы «нового мирового порядка», ненавидит Америку.

А. Проханов. «Америку поцеловал ангел смерти» // «Завтра», №38 (407), 18.09.2001

Пролог

В 1913 году все сорта русских хлебных злаков экспортировались с юго-востока России в Северо-Американские Соединенные Штаты.

«Кубанка», «донская бархатная» пшеница, «крымка», херсонский овес – все плыли и плыли пароходами за океан. Наша пшеница сеялась в Небраске и Техасе, превосходно там акклиматизируясь. Ставропольскую пшеницу американские фермеры называли «Блюстем», новочеркасскую – «Ред файер». И «гарновку» везла Америка из России, и овес-пузанок.

А потом пришли строители «Светлого Завтра»...
...«Самарский уезд. По данным Уисполкома, по 1 декабря в уезде умерло от голода 4 720 человек и заболело 35 396.

По отзывам врачей, большинство смертей ускоряется от питания суррогатами – едят древесные семена березы, речной ил, глину и пр.

Похороны производятся без гробов. Бедняки на чисто лишились хозяйства и поголовно умирают».

...«Боже! Что это за мука! С раннего утра целые вереницы голодных. То желто-земляные скелеты, обтянутые сухой кожей, с горящими глазами, говорят шепотом. То опухшие, пальцы уже не в силах сжать корку хлеба...

Василий Федорович не удержался-таки: выругал одного из соседней деревни.

– Что, дождался? Вот и ваша власть! Хорошо? Небось первый кричал: большевики, большевики все дадут. Дали? Пухнешь вот...

Тот что-то хрипит. Еле-еле слышно.

– Да рази... кто же знал... батюшка...»

...В те дни Маяковский напишет:

Это слово – не к жирному пузу,

Это слово – не к царскому трону:

В сердце таком

Слова ничего не тронут:

Трогают их революций штыком.

...Цифрами верстовыми,

Вмещающими едва,

Затишите Волгу буржуазии в счёт!

Что ж, попробую...

Счёт буржуазии

Договор с АРА (Американской Администрацией Помощи) был заключен в Риге в конце 1921 года.

При подписании его американцы обязались кормить 1 миллион российских детей. Уже через две недели работа развернулась на местах. Впечатления от триумфального шествия Советской власти заставили американцев увеличить свою программу до 1 миллиона 200 тысяч пайков – это в октябре. А в начале января 1922-го года АРА объявила, что обязуется охватить продуктовым обеспечением 2 миллиона детей *ежедневно*.

Сенат США вотировал двадцать миллионов долларов на оказание помощи только взрослому населению Поволжья. Решение было принято 31 декабря, а уже 4 января первый пароход, груженный кукурузой, отбыл из Америки. В марте 1922-го года в черноморских и балтийских портах было разгружено восемь пароходов и 17 стояли под разгрузкой. В те дни из США на полном ходу отплыли еще 25 пароходов, в том числе 14 с грузом пшеницы.

Американское христианское Общество Друзей (квакеры) работало в самых пострадавших от голода местах, например, в Бузулукском уезде, где кормило 180 000 детей и взрослых, наметив программу на 300 000 человек. В уезде сильно пострадало крестьянское хозяйство, и американцы предложили доставить из штата Канзас тысячу рабочих лошадей, что было с благодарностью принято.

На медицинскую помощь русским АРА получила пять миллионов долларов. От частных лиц в США за указанный период в Россию было послано еще 325 тысяч долларов деньгами и на 225 тысяч – одежды. Американская Меннонитская церковь пожертвовала 100 000 долларов.

На 15 февраля 1922 года американцы создали в Покровском, Новоузенском и Дергачевском уездах Саратовской губернии 208 бесплатных столовых, в которых кормилось около 82 тысяч детей, а в дальнейшем предполагалось кормить и голодающих взрослых – 380 000 человек ежедневно во всех уездах Саратовской губернии. Помимо продовольствия, в этот район прибыло 3 вагона амери-

04/2009

канских лекарств, 5 вагонов одежды, 4 вагона посылок.

В Немкоммуне (район Поволжья) американцы распределили 60 000 продуктовых пайков и открыли на 15 февраля 1922 г. 178 столовых, которые кормили 180 000 взрослых и детей во всех трех уездах.

В Уральской губернии открылись 152 американские столовые, в Самарской – 1 642 питательных пункта, где кормилось почти 300 000 детей и взрослых. Помимо того, США отправили в одну только Самарскую губернию 401 пуд медикаментов и 3 512 пудов обуви (1 пуд – 16 килограммов), 1 390 пудов одежды для взрослых и 933 – для детей.

В Симбирской губернии, на родине творца народного счастья, «американские хищники» на 28 февраля 1922 г. открыли 1 317 столовых, кормя в них бесплатно 230 000 человек, и 238 детских учреждений, а также прислали 2 534 пуда медикаментов. За один февраль туда прибыло 5 вагонов лекарств и оборудования для больниц, которые были распределены по семи районам.

В Татарской ССР АРА разверстала 308 000 продуктовых пайков, открыла 2 347 бесплатных столовых для 208 000 детей и 360 детских учреждений, кормила и лечила в больницах 4 720 пациентов, а всего – 303 000 голодающих.

В Киргизской республике американцы кормили 150 000 детей в 962 столовых, в Башкирии – 82 000 в 784 столовых. Для детских и обычных больниц они прислали 1 520 пудов медикаментов.

В Уфимской губернии американцы открыли 511 столовых. Уже в марте 22-го только АРА, квакеры и менониты кормили в общей сложности 3 миллионов 478 тысяч голодавших россиян.

Можно продолжать бесконечно.

...Чьими памятниками уставлены наши города и веси?

Мало избранных

Персонал АРА, 150 человек, заготовил продовольствия для спасения от голодной смерти десяти миллионов наших соотечественников. Главные усилия были направлены на бассейн Волги и в смежные области. От Казани к югу, до Астрахани, каждая железнодорожная узловая станция обслуживалась американским отрядом: пять миллионов россиян кормило шестьдесят человек!

На Украине и в Крыму 27 американцев заведовали питанием детей и беженцев, а также продуктами посылок в Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Феодосии. Порты черноморских городов, поскольку продукты подвозились морем, также управлялись американским персоналом (собственный, в основном, стоял на дне гаваней с грузом на ногах...)

От Москвы до польской границы американцы учредили столовые для беженцев и конторы продуктовых посылок с центральными офисами в Минске, Витебске и Гомеле.

На двух станциях на верхней Волге вне голодной зоны и в двух перевалочных базах между Волгой и Москвой американцы контролировали перегрузочные склады и ссыпные пункты. Хлеб везли прямо через них в голодные губернии. Работа АРА захватывала *каждый густонаселенный пункт России.*

«Заокеанские захватчики...»

Справедливости ради надо сказать, что помощь шла в Россию не только из Америки. Неоценимы усилия Нансеновского комитета, Финляндского Комитета Ученых, Амстердамского Бюро Профсоюзов.

Французы и жители стран Балтии за указанный срок собрали для России вещей, консервов и медикаментов на 273 тысячи франков, финны – на 102 тысячи. Из 29 различных стран в Россию пришло около 20 000 посылок на сумму свыше 200 000 франков.

Но сами большевики признавали устами тов. Соловьева, представителя советского Красного Креста: «Наибольшие поступления продовольствием идут из Америки, от самых разнообразных слоев американского общества – от рабочих союзов, религиозных общин – духоборческих, еврейских и других».

Общество Американской Медицинской Помощи России с центром в Нью-Йорке было основано на базе Национального комитета врачей и хирургов, в состав которого входили 25 выдающихся американских медиков. С января по август 1922-го года они собрали в помощь пострадавшим от голода в России 56 000 долларов, из которых на 31 000 закупили больничного оборудования. Оно было отправлено в Россию тремя пароходами.

Американские Друзья (квакеры) за 1921–1922 гг. собрали для россиян 1 миллион 167 тысяч долларов, 46,5 тысяч мешков муки, 7 627 мешков различных продуктов. Американский комитет помощи русским детям лишь с 1 по 22 апреля 22-го года отправил в голодные районы России 575 ящиков сгущенного молока и 3 000 фунтов сухого.

Канадский комитет помощи отправил в Поволжье 1 238 бочек мяса, канадские духоборы – 1 500 мешков зерна. Американская фирма «Амалгайтед Клод Уоркерз» – около 5 000 мешков различной муки. Шестнадцать американских пароходов с октября 1921 по август 1922-го годов доставили в Россию материальной и денежной помощи на 363 000 долларов, а также 26 миллионов пудов продовольствия.

Свидетельства

Отступим в 1919 год. Вспоминает А.И. Куприн: «Одновременно с вступлением белой армии приехали в Гатчину на огромных грузовых автомобилях благотворительные американцы. Они привезли с собою, исключительно для того, чтобы подкормить изголодавшихся на жмыхах и клювке детей, значительные запасы печенья, сгущенного молока, рису, какао, шоколаду, яиц, сахара, чая и белого хлеба.

Это были канадские американцы. Воспоминания о них для меня священны. Они широко снабжали необходимыми медицинскими средствами все военные аптеки и госпитали. Они перевозили раненых и больных. В их обращении с русскими были спокойная вежливость и истинная христианская доброта. Сотни людей благословляли их».

Вспоминает в «Новом Журнале» А. Вельмин, бывший сотрудник Киевского губисполкома, а затем – Киевского отдела АРА:

«В ноябре 1921-го, когда в Киеве стояли сильные морозы, милиционер привез в наш Комитет (советский. – Прим. А.В.) несколько детей, оставших от транспортов, снятых с поездов. Они были голодны, полураздеты и посинели от холода. Сотрудники могли только немного накормить за свой личный счет и несколько обогреть их в помещении, а затем их усадили в привезшие их сани и милиционер повез их обратно на вокзал. Их, прямо звериный, вой долго стоял в моих ушах...

Так обстояло дело до весны, когда в Киев прибыл мистер Макферсон и стал во главе открытого в Киеве отделения АРА.

Приходя на службу в АРА, мы забывали на время, что живем в советском государстве... Это был как бы оазис в советском окружении.

В мае 1922-го года в Киев прибыла депутация одной из подгородных волостей, просить продуктов, чтобы восстановить силы изголодавшегося населения. Она побывала в различных советских учреждениях, но ничего не получила – они не имели в своем распоряжении никаких продуктов.

Мистер Макферсон, через переводчика расспросив депутацию и убедившись в искренности ее, приказал

сейчас же приступить к погрузке на пароходы (голодные жили по Днепру) маиса. На другой день 2 000 пудов было отправлено к месту назначения; население от радости целовало землю... А какие трогательные, благодарственные письма оно послало американцам...

Было выработано меню завтраков в детских домах. Много тысяч детей бесплатно получали давно уже невиданные лакомства: какао с молоком и сахаром, белый хлеб, маисовую кашу. Выдавались продукты и студентам Киева, нескольким тысячам человек...»

У советских – собственная гордость

...К концу 1923 года, когда голод в России лишь убавился, но не исчез вовсе, советская власть начала массированную пропаганду о скрывающихся в АРА американских шпионах. Когда срок договора с Гербертом Гувером истек, СССР его не продлил и поспешил избавиться от американцев в толще своего, самого счастливого в мире, народа.

Да, непростительно ты провинилась перед Россией, алчная, бездуховная Америка!

Список использованной литературы:

1. 1921–1922 г. Голод. Сборник издательства Представительства Российского общества Красного Креста в Америке. – Нью-Йорк.
2. Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции помощи голодающим в России. 15 августа 1921 года – 15 августа 1922 г. – Париж.
3. Голод. Приложение к книгам 8–9 «Русской Мысли». София. Придворная типография. 1921 г.
4. Вельмин А. Американская помощь голодающим в Киеве. // «Новый Журнал», кн. 59, 1960 г.
5. Куприн А.И. Купол Святого Исаакия Далматского // Литература Русского зарубежья. Антология в 6 томах. Том второй. – М.: «Книга», 1991.

Галина Касабова

Историю Норильска пишем коллективно...

История Норильска еще не написана. Это город людских страданий, который буквально стоит на костях человеческих. Это город примитивного тяжелого физического труда и творческого взлета ума, который почти не знал невозможного.

Остро необходимы стройматериалы – изобрели и применили гипсолит; нужны реактивы, химическая посуда, беззольные фильтры – по собственным рецептам все это изготовили химики; рудники нуждаются во взрывчатке – разработали производство взрывчатых материалов: оксидквита и динамона; изнашивались тормозные колодки подвижного состава железной дороги – особый сорт чугуна заменили местной трехсотлетней листовницей; нужны гвозди – сконструировали гвоздильный

станок и собрали огарки электродов; на исходе серная кислота – придумали и построили сернокислотную установку; никто не строил в условиях Запролярья деревянный водовод, а он прослужил в Норильске 20 лет; 2 института не смогли быстро заменить сломавшиеся детали паровой турбины; 2 ряда лопаток как ножом срезаны. А «простой советский заключенный» М.В. Ковалевич в кратчайшие сроки справился с задачей. Не имея чертежей, он правильно рассчитал приспособление, а потом вручную изготовил 52 лопатки сложной формы. Нужны ложки, пуговицы, карандаши, елочные игрушки, сапожный крем, зубные коронки, – все делали сами норильчане. Здесь в лагерях со всей огромной страны собрались таланты из самых разных областей жизнедеятельности человека, ученые многих специальностей, асы геологии, горного дела, металлургии, медицины, культуры, образования, искусства...

* Галина Ивановна Касабова, норильчанка с двадцатилетним стажем, генеральный директор Некоммерческого издательского фонда «Норильский», составитель и редактор издания «О времени, о Норильске, о себе».

Норильлаг был шарашкой, уникальной по своим размерам и качественному людскому составу. Поселением, которое было следствием репрессий и демонстрации того, как не смогли реализовать в полную силу свои таланты люди, лишенные свободы. И все же вопреки всему и вся Норильлаг можно считать моделью интеллектуального потенциала страны. Вопреки государственному устройству, ужасам советских лагерей люди не просто старались выжить, но и жить, если ненормально физически, то – нравственно, в ладу с самими собой. И сопротивлялись (примером своей жизни) и самому Крайнему Северу, и самой системе. Как могли. Как только сумели. Множество способов не только выживания, но и сопротивления описывают в своих воспоминаниях норильчане. Они опубликованы в 10 томах издания «О времени, о Норильске, о себе». Книги не имеют какой-то систематизации, ибо Некоммерческий издательский фонд «Норильский» публикует авторские рассказы о норильской жизни в порядке их поступления. Пожалуй, по теме выделяются 6, 7 и 8 тома, в основном содержащие свидетельства очевидцев, участников и руководителей восстания заключенных 1953 г. после смерти Сталина. Впрочем, справедливости ради хочу отметить, что в каждом томе есть рассказы о судьбах заключенных – дети пишут о своих родителях, вольнонаемные о тех, с кем столкнула жизнь и работа.

Время и Норильск мы видим глазами школьников, самих заключенных, руководителей подразделений комбината, всех, кому довелось жить и работать в Норильске, Дудинке с 1935 года (время создания лагеря) по 70 годы. Хотя Норильлаг был закрыт в 1957 году, очень многие заключенные по самым разным причинам остались жить на Таймыре... Субъективные рассказы объективно складываются в многомерную картину времени той поры. Она полна парадоксов. С одной стороны, Норильск – это огромный город-лагерь. С другой, многие жители почти ничего не знали о лагерях и их порядках. Что уж говорить о бунте заключенных... Например, норильчанка Пашина летом 53-го года была в отпуске за два года, вернулась, когда восстание было подавлено, и представьте, ей никто не сказал о событиях в лагере: она узнала о них только в 90-е годы... А ведь тогда даже дети видели черные флаги на кранах и все тогда знали, что заключенные бастуют – не ходят на работу... Вот как тогда умели держать язык за зубами... На всякий случай... Впрочем, даже сегодня есть норильчане, которые остаются в неведении, что было столь серьезное сопротивление в лагерях, приведшее к срыву работы комбината...

Еще парадокс. Город-лагерь жил по очень жестким и жестоким правилам, людей здесь погибло много – цифра погибших не установлена до сих пор. С другой стороны, семьи, дети заключенных, как правило, не чувствовали негативного пресса местных властей, как во многих других местах. *Всем*

детям комбинат шил школьную форму, *всех* отправлял на лето в пионерские лагеря на «материк», в школе ровно и по справедливости относились ко всем ребятам и учителям, женам з/к. Даже в гости дети начальства комбината приглашали всех, не избирательно.

Все знали, что контакты вольнонаемных и заключенных (не считая работы) запрещены. За нарушение этого правила, например, пострадал автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи...» С.Ф. Кайдан-Дешкин. Его, уже отбывшего весь срок, вынудили уехать из-за переписки с любимой женщиной, которая еще не была освобождена из лагеря. И при этом было невозможно скрыть общеизвестный факт: очень многие вольнонаемные каждое утро приносили на работу завтраки для заключенных товарищей, передавали через других еду, записки, куда самим не было доступа. Всем было известно, что так поступали и сам А.П. Завенягин, начальник комбината и лагеря, его главный снабженец В.Н. Ксинтарис и другие руководители...

Еще об одном парадоксе меня часто спрашивают даже сами норильчане. Почему некоторые описывают жизнь в поселке-лагере почти как счастливую? Почитайте, как создавалась семья Буре (бабушки и деда знаменитых ныне хоккеистов) или семья Петровых, или письма Н.В. Супруненко, отправленные «милой Анечке» из лагеря в 1947 году... Вы поймете: всюду жизнь, и всем хочется радости, любви, надежд...

Согревали душу и единомышленники, с которыми можно было перекинуться иногда просто взглядами, а иногда вести тайные беседы... Ведь норильские чекисты только после бунта заключенных узнали, что в лагерях незримо действовала Демократическая партия России, устав и программу которой написал (сначала на французском языке) Сергей Дмитриевич Соловьев, ныне живущий в г. Змеиногорске Алтайского края. Ему уже за 90, он отсидел 26 лет, вышел на свободу при Горбачеве только потому, *что никогда, ни в чем, даже в самом малом, не шел на сделку с лагерной администрацией.* Его жизнь – это роман, написанный самой жизнью. Сам он о ней сказал: «Красивая жизнь прошла. Опасная. Веселая. Интересная. Насмотрелся народов, и стран, и обычаев. Сколько людей прошло перед глазами, сколько было разных переживаний, эмоций». Кстати, устав и программа Демократической партии России опубликованы в 8-м томе нашего издания – они были найдены в архивах ФСБ Колымы. Историю о поисках этих удивительных по содержательности документов рассказали в книгах восьмой и десятой вступивший в партию в норильском лагере Л.А. Нетто и А.Б. Макарова, норильский журналист, побывавшая у С.Д. Соловьева в г. Змеиногорске.

Воспоминания хлебнувших лиха в норильских лагерях продолжают поступать в Некоммерческий издательский фонд «Норильский» из разных горо-

дов бывшего Советского Союза и разных стран. К сожалению, у нас нет ни рекламы, ни магазина, где продавались бы наши книги. Информация о них распространяется из уст в уста по принципу «цыганской почты», только «норильская», по-моему, оказалась более успешной. Мы издаемся на деньги от продажи наших книг, сейчас идет работа над 11-м томом... Через редакцию журнала «Посев» хочется расширить информационное поле нашего фонда «Норильский». Увы, среди нас все меньше тех, кто прошел норильские лагеря, кто жил и рабо-

тал в Заполярье в советские годы, но так хочется, чтобы каждый из них оставил свидетельство о жизни своей и города-лагеря. Присылайте ваши рассказы о пережитом вами и вашими близкими через редакцию журнала «Посев». К книгам мы прилагаем и карту лагерей – над ней больше десяти лет работал норильчанин В.В. Блохин, других настоящих карт (не лагерных рисунков!) просто нет. Продолжаем коллективно писать историю Норильска, надеюсь на обратную связь с читателями журнала «Посев».

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Александра Свиридова

Шаламов

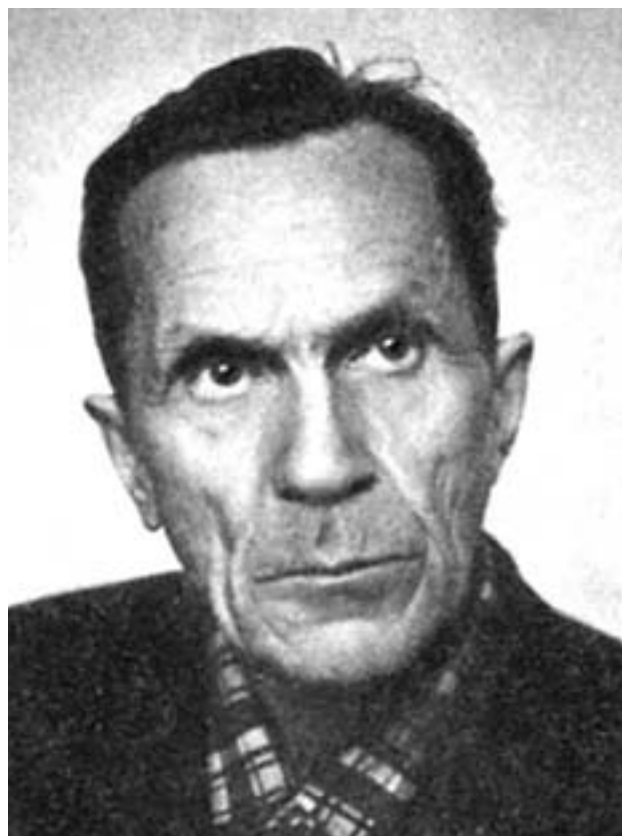
«Почему я пишу? Я не верю в литературу. Опыт гуманистической русской литературы привёл к кровавым казням перед моими глазами и доказал, что литература – нуль. История повторяется. Любой расстрел 37-го года может быть повторён. Так почему же я всё-таки пишу? Документы нашего прошлого уничтожены. Карательные вышки спилены, бараки сравнены с землёй. Ржавая колючая проволока смотана и увезена куда-то в другое место. На развалинах Серпантинки расцвёл Иван-чай – цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти. Были ли мы? Отвечаю: были».

Варлам Шаламов

«Несколько моих жизней»

Так писатель Варлам Шаламов решил однажды назвать свою биографию. Начал писать, но оборвал повествование на пятой странице. Думаю, ему самому в ту пору не очень было ясно, что его литература – и стихи, и проза – была его биографией. В ту пору она занимала угол кабинета замдиректора ЦГАЛИ (Центральный Государственный Архив литературы и искусства), где пряталась в картонных коробках, построенных штабелями до потолка. О том, что эта проза однажды будет издана в СССР – можно было только мечтать.

С невероятными жесткими и беспощадными «Колымскими рассказами» В. Шаламова я была знакома на слух: их старательно артикулировали хорошие голоса на запрещенных радиостанциях. Более всего – «Немецкая волна». Представить, что однажды я напишу сценарий, и советское государство даст деньги на съемку фильма о Колыме, мог только сумасшедший. Но в 1985-м началась перестройка. Следом за Горбачевым во власть пришли молодые люди, а в Госкино у руля встали мои товарищи. Один из них, чуя перемены, прислал мне мемуары безымянной старухи о герое революции и гражданской войны Федоре Ильине-Раскольни-

04/2009

кове. Имя его было запрещено, но ветер перемен позволял надеяться...

Я забралась в архивы. Бумаги Раскольниковы были рассыпаны и припрятаны архивистами, получившими некогда приказ об уничтожении бумаг. В досье близлежащих его соратников – от вождя Владимира Ленина до красавицы жены Ларисы Рейснер – можно было найти его листочки. «Единица хранения» называлась каждая папочка и имела свой собственный номер... Папку за папкой я перебирала «параллельные» судьбы, выуживая «единицы хранения», имеющие отношение к Раскольникову, и однажды они все рядом улеглись в стопочку передо мной в пустом зале Румянцевской библиотеки в Отделе рукописей. Я любила заглядывать в формуляр выдачи, узнавать, кто и в каком году дотрагивался до этих листочков до меня. С удивлением обнаружила в каждом формуляре детской рукой старательно выведенное слово «Шаламов». Я изучала почерк и видела руку школьника... Подивилась, что бывают однофамильцы у великих писателей. Последним архивом, куда я пришла в поисках материалов о Раскольникове, был ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства. Там тоже всюду стоял тот же автограф. Закончив работу с архивом Раскольниковы, я задала резонный вопрос на тему архива Шаламова. В «Ленинке» (Библиотека им. Ленина в Москве, ныне Российская Государственная Библиотека) мне сказали, что такого не существует. Зато в ЦГАЛИ объяснили, что он есть, но находится в «спехране», что в переводе на язык людей означало, что «единицы хранения» засекречены. Я отправилась к директору ЦГАЛИ.

– Что вы хотите увидеть в архиве Шаламова? – заинтересованно спросила Наталья Борисовна Волкова.

– Посмотреть, не писал ли он о Раскольникове...

– Писал. Это была его последняя работа перед смертью...

Я поежилась.

– Я хотела бы посмотреть, какова его версия смерти Раскольниковы: он убит или сам умер?

– Минуточку...

Директор ЦГАЛИ вышла и вернулась со своим заместителем – Ираидой Сиротинской. Повторила ей мой вопрос.

– Конечно, убит, – категорично сказала И. Сиротинская. – Варлам Тихонович в этом не сомневался...

Я к этому времени твердо стояла на том, что Раскольников покончил с собой...

– Я могла бы посмотреть эту рукопись?.. На чем основана его уверенность...

Меня допустили к секретному архиву Шаламова. Это был океан.

Я сдала сценарий о Федоре Раскольникове, где мой герой покончил собой, а не был убит Сталиным. Меня обвинили во всех тяжких грехах, – включая то, что я пытаюсь «отмыть» Сталина, и фильм снимать не стали. И ни одному человеку я не смогла втолковать, что реальность отличалась от

мифа. Выстроенный в сознании образованного обывателя алгоритм гласил, что в момент, когда Сталин стал вызывать в СССР и расстреливать дипломатов, Раскольников оказался умнее многих, Сталину не поверил, бежал из Болгарии во Францию, там опубликовал «Открытое письмо», в котором написал «Сталин, вы – убийца», и был за это убит. Сообщить, что письмо Раскольниковы было опубликовано через ДВЕ недели после того, как он выбросился из окна, было некому. Стена легенды была прочна и в 1989 году многим хотелось как можно быстрее и проще пересмотреть и переписать историю и поднять на щит новых героев.

А когда власть еще немного ослабила пружину, работавшую на сжатие пресса, – я подала на рассмотрение сценарий о Шаламове. В Останкино в объединении «Экран» все знали это имя. Прекрасный редактор Наталья Юдина начала передавать его для чтения из рук в руки.

«Чтоб они, суки, знали...»

– просто и бесхитростно назывался сценарий, написанный по мотивам биографии и «Колымских рассказов» Варлама Шаламова. Из фрагментов разрозненных текстов писателя, которого только-только начали печатать толстые журналы, я сложила некий условный предсмертный монолог-исповедь о страшном опыте писателя. Ту самую попытку биографии, которую сам Шаламов забросил. Его размышление о двух формах бытия Поэта – в реальности и творчестве. О двух видах Колымы – реальной – из снега и льда, на которой двадцать лет проживало его тщедушное тело, и мифологической, величественной, как царство Аида, воспетой им в стихах и прозе во всю мощь его неотмирного дара и духа.

– Замените название, – первое, что строго потребовала сделать редактор накануне худсовета, где решалась судьба финансирования проекта.

Я, которая прежде всегда упорствовала, и не меняла ни запятой, на сей раз выбрала согласиться на все, лишь бы фильм состоялся. «Несколько моих жизней» – нашла я другую строку у В. Шаламова.

Второе, что потребовали убрать из сценария – фигуру А. Солженцына. Сначала потому что он в ту пору был «враг народа», а ближе к окончанию работы над фильмом – потому что друг. У меня ему отводилась небольшая, но достаточно нелицеприятная роль в судьбе Шаламова, и бедные вассалы-редактора боялись промахнуться в желании угодить сюзеру.

Я убрала все, что просили.

Кто привел на студию режиссера-третьекурсника А. Ерастова, не знаю, но по весне 1990-го мы начали снимать. Все было непросто на каждом этапе, но главное сбылось: блистательный оператор Леонид Зотенко обеспечил выразительную картинку и на экране возникла заснеженная Колыма, которой до той поры никто толком и не видел.

Ассистенты отбирали кадры кинохроники от середины тридцатых, когда началось освоение Колы-

мы, до середины пятидесятых – «великого сдоха» Сталина и времени освобождения Шаламова из Колымского плена. Черно-белые кадры передавали скудость, нищету и ужас реального пейзажа Колымы, где Шаламов провел полтора десятка лет, а заснеженные просторы, снятые в цвете с вертолета позволяли воссоздать опозитизированную Колыму. Ту, которая впечаталась в память поэта. Основная нагрузка ложилась на закадровый комментарий.

По законам тех лет, дикторский текст начитывали дежурные дикторы. И сумму гонорара – 50 рублей – помню по сей день. На запись отводилась одна смена – восемь часов аппаратной. Через друзей я вышла на прекрасного актера МХАТа Петра Щербакова. Приехала к нему в дом и честно призналась, что денег за эту работу не заплатят. Слово «Шаламов» он не знал. Царственно согласился просмотреть дикторский текст, который я привезла ему. Дело было вечером, а среди ночи он закончил читать. Позвонил мне и плакал в трубку. Он впервые читал прозу Шаламова... Сказал, что готов на все. Приехал в Останкино в час назначенный, и создал шедевр. Одним голосом и ушибленным сердцем, он создал абсолютную иллюзию присутствия Варлама Шаламова.

– Клянусь до самой смерти мстить этим подлым сукам!.. – временами срывался в пафос Щербаков на записи.

– Пафос оставьте Ефремову, – осаждала я его. – Здесь все должно быть глухо и тихо, задушенно-ровно – без пафоса. Вы умрете к концу фильма, понимаете?..

– Показывай, как ты хочешь – я с голоса возьму! – бравируя профессионализмом, командовал Петр.

– Клянусь до самой смерти... – монотонно начинала я ему стихи.

– Клянусь... до самой смерти... мстить... этим... подлым... сукам... – медленно, задыхаясь, приставил слово к слову Щербаков.

Не обошлось без конфликтов. Мне удалось отстранить от работы режиссера-третьекурсника, добиться увеличения сроков монтажа и восстановить против себя всех, включая монтажера и музредактора. Одна И.Сиротинская осталась на моей баррикаде и была согласна с моим видением истории.

Я монтировала одна днями и ночами, не зная, «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе». И, наконец, закончила и сдала картину. В кадре не было ничего особенного: были реальные камни – города и дома, где Шаламов родился-учился-сидел-писал-жил. Вологда, Москва, Колыма, снова – Москва, поселок Решетниково... А за кадром звучал его – шаламовский – текст, сложенный мною из множества его рассказов. Сшитая из лоскутов биография великого страдальца, прозаика и поэта.

18-го августа 1990 г. в Останкино состоялся худсовет по приему картины.

В просмотрном зале собралось человек 20–25 причастных к производству.

Объединяла их глухая неприязнь ко мне. Все были старше меня, с большим опытом работы,

и в процессе работы не раз давали мне советы. Я не приняла ни одного. Более того – боролась с их вмешательством в работу на любом этапе. Пояснить это трудно, ибо нужно быть в материале, чтобы понимать уровень претензий участников. Буквально накануне сдачи – в последнюю ночь перед худсоветом – я сошлась в последнем бою с прекрасным музыкальным редактором. Она предлагала свое видение картины и звукового ряда. Я отклоняла ее предложения. Каждый обрывок музыки, который я требовала уложить, она укладывала, преодолевая протест. Например, я велела озвучить фрагмент фильма Бахианой – Вилла Лобоса, где соло звучал необыкновенно глубокий голос Ольги Басистюк, единственной украинской певицы, удостоенной награды Фестиваля Лобоса в Латинской Америке.

– Так нельзя! – взорвалась музредактор.

– Почему? – полюбопытствовала я.

– Потому что у вас фильм о мужчине, а здесь звучит женский голос! – прокричала она.

– Это Душа, – сказала я, и она поперхнулась протестом.

В последнюю смену, когда сводили все звуковые дорожки в одну закадровую кашу, она неожиданно выбрала подчиниться, с вызовом даже требуя:

– Ну, давайте-давайте, что вы там хотите? Приказывайте!

Ясно было, что она решила дать мне возможность носом запахнуть в целину...

Я помню, когда уже был уложен голос и наложена музыка, кое-где я велела добавить третьим слоем то посвист ветра, то карканье воронья. Она была вне себя, но молчала...

Ровно через день состоялся рабочий просмотр. Шли на экране картинка... Красивые – белый снег, снятый с вертолета в Вологде и на Колыме. И за кадром – звучали страшные слова Шаламова, о том, как уничтожали людей в советских лагерях. Реквиемом по всем убиенным я выбрала «Адажио» Альбини, дабы ни одно нотой не пересечься с традиционными похоронными маршами памяти усопших генсеков. Под музыку Альбини открылся белый кадр занесенной снегом похоронной процессии с гробом писателя, и плавно сменился снежной пустыней Колымы...

В просмотрном зале зажегся свет. Все, кто боролся со мной – плакали. Оператор, монтажеры. Многим не хватило «посадочных» мест и они стояли вдоль стен, хлопая носами.

– Что ж вы сразу не сказали, ЧТО вы хотите сделать? Мы бы вам не мешали... – с неподдельной искренностью воскликнула редактор, не скрывая растерянности.

– Если б я могла это СКАЗАТЬ, я бы не делала кино...

– А что ж такое вялое название? – с едва заметной иронией спросил, поднявшись, неизвестный мне рослый мужчина в темном костюме. – «Несколько моих жизней». Такого невыразительного названия не может быть, когда вы так всех ненавидите...

– Сценарий назывался «Чтоб они, суки, знали...» – ответила я. – Меня попросили название снять. Если позволите, я готова вернуться к моему варианту... Титры друзья сделают мне немедленно...

Тишина стояла в зале каменная.

– Не надо, – помедлив, словно поразмыслив, сказал Начальник. – Вы не будете вносить поправки? – как само собой разумеющееся, уточнил он на всякий случай. Как-то уже прозвучало, что картину закроют.

– Конечно, нет. Пусть лежит такая, как есть, – сказала я. – Вас не будет, меня не будет, а картина – останется.

Он посмотрел на меня с холодным интересом, как смотрят рыбы на птиц сквозь толщу воды. Я никогда не узнала, кто он. А картину положили на «полку». В августе 1990-го, когда все запрещенные ранее фильмы снимали с «полки», это была высшая награда. Как объяснили мне редактора, о лагерях можно было говорить, как о проклятом прошлом, которое кануло, а у меня – устами Шаламова – звучала рефреном мысль о том, что «любой расстрел тридцать седьмого может быть повторен».

В стеклянных дверях Останкино, меня нагнала И. Сиротинская – заместитель директора ЦГАЛИ, хранитель литературного наследия В. Шаламова, которой он завещал все своё, и из-за которой поссорился с Надеждой Яковлевной Мандельштам, убежденной в том, что Сиротинская – «агент» КГБ.

Я потребовала поставить её имя в титры, так как это был единственный способ заплатить ей, как консультанту.

– Вы куда сейчас? – спросила она.

– Не знаю, – посмотрела я на часы. – У меня сегодня день рождения... – подивилась я цифрам на циферблате.

– Поздравляю, – смерила меня недоверчивым взглядом она, не веря в то, что человек может не знать числа.

А я не заметила, как минуло лето, прожив его в полумраке монтажной.

В доме на автоответчике ждал голос любимой подруги Н.

– Где ты шляешься, мы не знаем. Сидим тут с Ирккой и выпиваем за тебя. Захочешь к нам присоединиться – приезжай...

Я посмеялась и поехала. Позвонила тем немногим, кто намеревался провести со мной этот вечер, и позвала их к подруге. Было 18 августа 1990 года.

Мои товарищи на студии тайком загнули мне копию фильма на кассету.

Я показала фильм узкому кругу друзей. Мой маленький сын смотрел вместе с нами. Страшную сказку о том, как люди ели людей... После просмотра шел, крепче обычного стискивая мою руку в своей руке.

– Ты только не бойся, – сказала я. – Это всё было, но больше уже не будет. Ты, конечно, маленький, но я хочу, чтоб ты знал, в какой стране ты родился. Знал, но не боялся...

– А я не боюсь, мамочка. Потому что я не буду жить в этой стране...

– А где же ты собираешься жить? – удивленно остановилась я, глядя на своего семилетнего мальчика.

– Не знаю, – пожал он худым плечиком.

– Но у каждого человека должна быть родина, – неуверенно приставила я слово к слову в большой растерянности.

Мальчик развел руки в разные стороны, демонстрируя пустоту в указанном месте и с сожалением сказал: – Значит, у меня не будет родины...

Союз кинематографистов СССР велел немедленно подать документы для приема. Было много желающих рекомендовать меня, но я пошла к тем, кто поддерживал меня со студенческих лет. Патриарх советской кинодраматургии Евгений Габрилович, светлая ему память, написал очень личное письмо. И критик Майя Туровская, дай ей Бог здоровья. Как гласит легенда, это был единственный случай в истории Комиссии кинодраматургии СК, когда драматурги проголосовали единогласно, что делает им честь. Как рассказала мне позже член комиссии, прекрасная писательница Надя Кожушанная, первым поднял и держал руку «за», покуда зачитывали мой послужной список, известный кинодраматург Валерий Фрид, отсидевший много лет в лагерях на Колыме.

Ровно через год – после провала путча 1991 года – глубокой ночью картину, наконец, рискнули показать по Первому каналу. Петр Щербаков увидел её, позвонил мне, и с пафосом произнёс в трубку известное: – Если вам нужна моя жизнь – придите и возьмите её...

Рассмеялся, уточнил, что жизнь – это, конечно, образ, но если когда-нибудь еще я буду делать что-нибудь – игровое или документальное, – он готов работать со мной без денег. И рассказал, как звонили ему друзья среди ночи и поздравляли с этой работой. Мы уговорились свидеться. Увы: увидела я его в гробу. На сцене МХАТа... Он скорострельно скончался дома после спектакля...

А картина снова пропала с экрана.

Десять лет спустя глава Гильдии режиссеров и Президент Московского правозащитного кинофестиваля «Сталкер», один из крупнейших режиссеров страны, Марлен Хуциев нашел фильм в архиве Госкино. Пригласил меня приехать в Москву – отметить десятилетие фильма. Я приехала. Интерес к ленте был велик. Главное – звучал недоуменный вопрос, почему её нет в эфире.

Корреспондент радио «Свобода» Марина Тимашева закончила интервью со мной в коридоре у Белого зала, когда кто-то пришел и радостно сообщил, что картину купили.

– Кто? У кого? – подивилась я.

– Какой-то канал... у того, кто сказал, что у него есть права на эту картину... – прозвучал скомканный ответ.

Всем казалось, что теперь-то картина начнет свою новую жизнь. Увы – картина исчезла. Мои друзья

в Нью-Йорке помогли сохранить и реставрировать ту единственную копию, что сделали на студии. Перевели ее с пленки на диск. И молодой славист – аспирантка Университета Беркли Джессика Меррил сделала блестящий перевод на английский. Картина впервые вышла к зрителю Америки на Фестивале российского документального кино, который прошел в Нью-Йорке под эгидой «Нового журнала». Того самого, где много лет назад впервые были опубликованы «Колымские рассказы» Варлама Шаламова.

В фильме звучат строки стихотворения Шаламова, которое так до сих пор и не было опубликовано полностью:

*Клянусь до самой смерти мстить этим подлым сукам,
Чью гнусную науку я до конца постиг.
Я вражескою кровью свои омою руки,
Когда настанет этот благословенный миг.*

*Публично – по-славянски – из черепа напыюсь я.
Из вражеского черепа, как делал Святослав.
Устроить эту тризну в былом славянском вкусе
Дороже всех загробных любых посмертных слав.*

*Пусть знает это Диксон и слышит Антарктида –
В крови еще клокочет мой юношеский пыл.
Что я еще способен все выместить обиды
И ни одной обиды еще я не забыл...*

Это была моя мантра: до-мстить за него тем, кому он не успел.

– Чтоб они, суки, знали...

P.S. Настали «новые времена». Александра Свиридова живёт в Нью-Йорке, пишет, работает. Фильм, висит в Интернете, правда размещён там без её согласия и неизвестно кем, но в принципе пытливым и любопытным доступен. Шаламов не только издан, но даже экранизирован (разумеется не весь), причём талантливым режиссёром В. Досталем, и фильм «Завещание Ленина» – действительно не плохой. Имя Шаламова редко, но упоминается, в большинстве своём либо на правозащитных, либо в узколитературных диспутах. Ну а те, о ком он писал, кого ненавидел, о ком кино, и из-за кого страдал – прекрасно чувствуют себя в тёплых и мягких креслах высоких кабинетов – от Москвы до самых до окраин.

Они тоже многому научились. Зачем не издавать, не показывать, запрещать, зачем создавать мучеников с их ореолом, проще не замечать и замалчивать. Нет больше понятий «в стол, или на полку», всё можно, но в современных технологиях пропаганды и одурманивания с многомиллионными бюджетами – это капля в море. Возможно, издать на «свои», тиражом в 1000 экземпляров, или снять и время от времени с большим трудом показывать в институтах или клубах, аудитории человек по 100, со спорами до хрипоты, о том, что всё это очернительство и не к истории, ни тем более к современности, не имеет никакого отношения. Так ли? Вот он, удел нашей современной свободы. Поэтому всё тоскливей наша «великая» литература, всё жвачней и попкорновой – кино, всё междусобойней театр, и кровавей и смешнее, да просто посповей важнейшее из ... ТВ.

Что же остаётся тем, кого это не устраивает?..

Григорий Амнуэль

Татьяна Жилкина

«Журнал с прекрасной и трагической судьбой»

Роль журнала «Грани» в развитии российской словесности трудно переоценить. Рожденный в условиях совершенно особого мира – в беженских бараках Менхегофа в послевоенной Германии сорок шестого года, он стал первым, в котором слились литературные потоки эмиграции «старой» и «новой», а пятнадцать лет спустя, – первым, который, проникнув в Россию через «железный занавес», стал получать оттуда неподцензурные рукописи и печатать их.

Сразу после революции и гражданской войны в мире возникла как бы «вторая Россия», неизмеримо меньшая по населению, но сохранившая в себе все проявления Духа, мысли, культуры, подавленные в отечестве. Жизнь её проходила в условиях свободы, а порой и нищеты, но взоры её были обращены на родину.

Вдалеке от России, объятай пламенем пожаров храмов и крестов, сотрясаемой ужасами коллективизации, предательств, доносов и расстрелов, эмигранты сохранили для нас основу национального бытия – живую художественную речь, творческое Слово. Литература в изгнании, и, в особенности, публицистика, продолжая традиции независимой мысли, говорила о том, о чем должна была безмолвствовать в самой России.

Это был беспримерный подвиг русской диаспоры, понять который можно, читая журнал «Грани» за первые четыре с половиной десятилетия. Многие страницы журнала тех лет посвящены Серебряному веку, названному так в противовес «золотому», Пушкинскому. Это красота и богатство человеческого чувства, внутренняя свобода, стихия образов, ритмов, слов.

Марина Цветаева, Анна Ахматова, Николай Гумилев, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Иван Бунин, Борис Зайцев, Владислав Ходасевич, Евге-

* Татьяна Жилкина, издатель и главный редактор литературного журнала «Грани».

04/2009

ний Замятин – какое созвездие имен в журнале и какие трагические судьбы!

Не будем забывать, что литература изгнания, продолжая традиции великой русской литературы, отличалась глубочайшей человечностью и, по сути дела, формировала нравственность. Литература была особым университетом для тех, кто дышал её воздухом с детства.

Не вся литература изгнания пришла к нам, но с какой радостью мы открываем для себя все новые и новые ее страницы! Никто не знает, что ждет всех нас в будущем. Прогнозы неутешительны – ведь независимость Слова подразумевает, прежде всего, независимость от власти, а ее нет. Того, что мы обрели за последние десятилетия, у нас уже не отнять. Но не надо забывать, что наследство, полученное нами от коммунистов, не дает нам до сих пор жить по чести и совести. Может быть, только поколение родившихся сегодня, обретет, наконец, в России истинную свободу Духа и то, если не оторвется окончательно от национальных корней, ибо ему с колыбели уже уготована адская смесь так называемой «масскультуры», заполонившей сегодня страну и несущей в себе агрессию. И как следствие – распад личности.

Порой кажется, что Серебряный век и последующая за ним литература изгнания, выразителем которой среди других достойных изданий за рубежом стал журнал «Грани», были посланы нам с Небес для того, чтобы при всех сегодняшних мерзостях жизни нашей, мы не забывали о них и просыпались утром с ощущением радости Бытия. Есть литература. Есть Музыка. Есть Живопись. Есть то, ради чего стоит жить, держа в сердце Серебряную нить Памяти.

Мне выпало судьбой стать издателем и главным редактором журнала «Грани» в 1997 году. Не открою секрета, но удивлю, наверное, многих, если скажу, что «Грани» с тех пор издаются без спонсора. Этим модным словом, то и дело мелькающим в средствах массовой информации, заменено забытое меценатство, дабы, и по справедливости, отличить одно от другого.

Необходимые пояснения.

В начале девяносто седьмого года подписчики «Граней» получили № 182 журнала со вкладышем «От издательства “Посев”, в котором сообщалось, что этот номер – последний. Цитирую:

«...После падения советской власти «Грани» вернулись на родину. Журнал всегда существовал на очень ограниченные средства, но финансовое положение в России оказалось столь плачевным, что издательство оказалось вынужденным по материальным соображениям прекратить издание журнала. Вышедший сто восемьдесят второй номер журнала – последний номер».

Руководствуясь единственным – невозможностью гибели уникального издания, ставшего поистине национальным достоянием, мы летом того же года выпустили в свет № 183. Работали без средств

на редактирование, корректуру, бумагу, типографские и почтовые расходы. По набору текста и верстке помогали совершенно бескорыстно люди, не имевшие никакого отношения к журналу. Как говорили в старину: добрые люди помогли. И № 183 вышел.

Следующие два номера 184 и 185 мы издали, получив грант от «Института Открытое Общество» в результате победы проекта «Россия и Запад: пути сближения» на конкурсе по программе «Культура». С помощью Фонда Сороса «Грани», образно говоря, удержались на маленьком плоту русской литературы посреди бушующего океана невесть откуда хлынувшей печатной продукции сомнительного толка. Банк «Российский кредит», на счет которого были переведены деньги, забрал – иначе не скажешь – тридцать восемь процентов с гранта, после чего средств хватило в аккурат на издание двух номеров и покупку компьютера.

Но я до сих пор с благодарностью вспоминаю помощь Фонда, удержавшего «Грани» на плаву; в то время, когда трезвые голоса предвещали гибель. Не оставлял меня своим вниманием, поддержкой и заботой даже в мелочах, из которых складывались нелегкие будни первых лет моей издательской работы, и Борис Сергеевич Пушкирев – тогда председатель Народно-Трудового Союза (НТС), организации, которая курировала «Грани» с первых дней. Неоценимую помощь в деле распространения журнала по миру все 12 лет оказывали и оказывают мне мои калифорнийские друзья – председатель Конгресса русских американцев Георгий Борисович Ависов и его супруга Алла Владимировна.

Александр Исаевич Солженицын не был одинок, когда в ответ на письмо к нему о критически-бедственном положении журнала «Грани» ответил телефонным звонком и сказал мне, в частности, следующее: «“Грани” прожили хорошую жизнь – пятьдесят лет. И могут умереть».

Подобное слышалось со всех сторон. Говорили, что «...с прекращением литературного подполья иссяк тот источник, который питал журнал, иссяк пафос издания».

В 1998 году у меня с Евгением Романовичем Островским, бывшим ранее председателем издательства «Посев» и к тому же основателем журнала «Грани», наладилась переписка, длившаяся до его смерти. В одном из своих первых писем ко мне, он с чувством благодарности за то, что дело его жизни продолжается, воскликнул: «Какое счастье, что журнал жив!» И определил его путь словами: «Служить всему светлому, что было, есть и будет в России».

И, правда. Счастье.

После «последнего» 182 номера уже вышло из печати 50 номеров, четвертый выпуск за этот, 2009 год, несет номер 232. Тираж был сокращен до необходимого минимума и двенадцать лет подряд журнал поддерживают исключительно зарубежные подписчики, связь с которыми через зарубежные

фирмы мы с трудом и не без потерь восстановили и даже развили после прекращения издания в «Посеве». Это восемьдесят университетов и библиотек США, Франции, Германии, Канады, Нидерландов, Великобритании, Швейцарии к другим стран мира. Среди подписчиков значатся даже один университет в Южной Корее и один – в Индии.

В России журнал распространяется в небольшом количестве, в основном, бесплатно, из-за нищенского положения нашей интеллигенции, того самого мыслящего круга людей, к которому он обращен.

Могу перечислить некоторые столичные библиотеки обладателей журнала: библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»; библиотека МГУ имени Ломоносова; Парламентская библиотека при Совете Федерации и Государственной Думе; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Российская государственная библиотека. Отдел Русского Зарубежья; Библиотека Международной общественной организации «Фонд Андрея Сахарова»; Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы М.И. Рудомино; Историческая, Театральная, Политехническая и другие...

Каждый год после вывоза тиража из типографии мы непременно передаем новые журналы в Дом-музей Марины Цветаевой, Дом-музей Корнея Чуковского в Переделкине, в Российский государственный гуманитарный университет.

Отправлены за эти годы «Грани» в библиотеки Иркутска, Читы, Челябинска, Санкт-Петербурга,

Пскова. А совсем недавно Екатерина Юрьевна Генниева, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы организовала отправку журнала в тридцать регионов России, благотворительно.

Приобрести журналы всегда можно в киоске этой библиотеки, а также в Доме-музее Марины Цветаевой, в Доме творчества писателей в Переделкине и книжном магазине «Русское Зарубежье».

В 2010 году среди прочих материалов в «Гранях» будут опубликованы:

Жорж Нива: «Литература не спасает от зла. Она пишет о нем»;

Борис Альтшулер: «Пушкин, стихи и музыка в “Дневниках” Андрея Сахарова»;

Вероника Лосская: «Библия в поэтическом мире Ахматовой и Цветаевой»;

Юрий Левитанский: «Где-нибудь в прошлом или грядущем»;

Борис Крячко: «Морской пейзаж с одинокой фигурой»;

Александр Карамзин: «Адъютант Его Величества». Глава из трилогии «Карамзины, фамильная хроника»;

Тамара Жирмунская: «Раненый жемчуг: Валерий Перелешин»;

Виктор Шкловский: «Воспоминания о будущем».

С «Гранями» можно связаться по электронной почте zoiak@mail.ru или по телефону в Москве 495 610 6955.

Говорят читатели журнала «Грани»

...Знаменитая марка «Граней», относительно недавно проросшая сквозь сферы зарубежного и советского подполья в российский колумбарий, предвосхищает множество тонов и оттенков русскоязычной прозы, поэзии, а также, в немалой степени, и отечественной истории и публицистики. Аудитория журнала охватывает, без преувеличения, весь белый свет...

...Редакторская призма мужественно оформляет поток неограниченной творческой энергии, «ограничивает» его радугой рубрикаторами критики и литературоведения, философии, науки и культуры, подборками из архивов, редакционных статей и интервью, отдельно выделяя прозаические и поэтические страницы межконтинентального русского культурного наследия.

Несмотря на всю разноплановость авторов и эпох, «Грани» совершенно не выглядят эклектичными. Вероятно из-за того, что идеологию журнала спаивает воедино внутренний стержень подлинного гуманизма, неизменно проверенное временем служение свободному слову.

Олег Воробьев. Москва.

...Русский литературный журнал «Грани» делает шаги на пути соединения людей, а не их разъединения. Его цель я вижу в том, чтобы продолжить дело Христа и созданной им Церкви, не перестающей переживать расколы, помочь людям выдержать те испытания, которые сегодня на христианство выпали.

Цель печатного Слова «Граней» – возвращать посеянные Христом зёрна и христианскую культуру.

Зоя Масленикова. Москва.

...В новых условиях, когда железный занавес, разделявший две литературы, рухнул, цензура отменена, Интернет открыл новые возможности общения и появился другой, постсоветский читатель...акцент в любом литературно-политическом журнале перемещается с политического на литературный. Между журналами начинается нормальная конкуренция, «Грани» эту задачу выполняют с успехом.

Наталья Белинкова-Яблокова. Монтерей. США.

...Бутовский полигон – «Русская Голгофа» – место массовых расстрелов и захоронений тридцатых-пятидесятых годов нашего безумного двадцатого столетия. Жертвами полигона стали более двадцати тысяч человек. Это только те, что известны по документам.

Журнал «Грани» внес свою лепту в обнародование этих преступлений. За последние годы на его страницах опубликованы материалы:

«Звезды смерти стояли над нами», Московские расстрелы (№ 201, 2002), «Мученический венец барона фон Гревеница» (№ 209, 2004); «Распятые» (№ 211, 2004); «Последний подвиг митрополита Серафима» (№ 217, 2006); «Богу и ближнему: Владимир Джунковский» (№ 218, 2006); «...И память о тебе»; «Подмосковное имение Бутово и его владельцы» (№ 222, 2007); «Зона смерти – «Коммунарка» (№ 227, 2008).

В материале «Распятые» речь идет о казненном на Бутовском полигоне Владимире Комаровском – последнем крупном иконописце, работавшем на сломе веков и открывшем эпоху возрождения иконописи; человеке, связанном родственными узами со многими знаменитыми фамилиями России: Самариными, Олсуфьевыми, Трубецкими, Гагариными, Осоргинами...

Лидия Головова. Москва.

Многие годы журнал «Грани» был закрыт для нашей страны, его читателями были в основном русские люди, оказавшиеся по ту сторону «железного занавеса».

Оценивая сегодня деятельность журнала, хочется сказать, что он самым естественным образом восстановил единую кровеносную систему русской литературы, трагически разделенную многие годы. По моему мнению, заслуга редакции в том, что её взгляд на литературный процесс глубок и, одновременно демократичен, то есть, лишен модных пристрастий и «тусовочных» амбиций.

Я благодарна редакции – на страницах «Граней» все последние годы печатались воспоминания о моем брате, кинорежиссере Андрее Тарковском, которые затем вошли в мои книги.

Марина Тарковская. Москва.

...Мне посчастливилось стать одним из авторов «Граней». Именно в этом замечательном журнале были опубликованы главы из моей, как я считаю, самой главной книги «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни». А не так давно была помещена моя статья «Закономерный финал печальнейшей комедии».

Мне так радостно сознавать, что «Грани» живы и по-прежнему отличаются свободой мысли! Так важно потому, что над российской словесностью стучатся тучи – и, не дай Бог! – а прогнозы самые не утешительные – мы вновь доживем до под-

цензурных времен. И тогда такое издание как «Грани» может стать самым главным литературным событием.

Протоиерей Михаил Ардов. Россия.

...Несмотря на всю его «русскость», неверно будет сказать, что «Грани» это националистический журнал, нет: в нем поднимаются вопросы общечеловеческой значимости.

В целом – это журнал со всесторонним освещением проблем российской и всемирной культуры, и прежде всего русской, призывающей к моральному совершенствованию.

Аркадий Алексеев. Беркли. США.

Кто сегодня читает «Грани»? Да я, например, как и тысячи наших сограждан, открывая для себя и новых авторов и бездну исторических и документальных материалов о многострадальной России. А ещё содержательные статьи в разделе «Философия. Религия. Культура».

Редакторы многих отечественных журналов отворачиваются сегодня от религиозных проблем, считая, во-первых, что религиозный бум кончился и читающей публике не до того... А во-вторых, им самим бывает трудно разобраться во всяких там высоких материях – они ведь духовных «академиков» не кончали.

А ещё – журнал «Грани» читают на зоне, в Исправительных учреждениях: в колониях и СИЗО – Московской, Тульской, Владимирской, Смоленской, Воронежской, Брянской областях. А также в Мордовии. Куда удается его доставить вместе с художественной и духовной литературой. Вот уже свыше десяти лет Храм св. Космы и Дамиана в Шубине собирает книги и журналы для тюремных библиотек. Татьяна Жилкина, главный редактор «Граней», безоговорочно жертвует Храму некоторое количество экземпляров каждого номера.

Александр Зорин. Москва.

«Грани» № 201 попался мне в руки, когда я работала над главой о Марине Цветаевой для своей книги «Библия и русская поэзия». Моя рабочая тетрадь распухла от выписок из книг о Цветаевой, брошюрок, ливнем хлынувших газетных и журнальных публикаций.

И «Тарусские страницы» Второй выпуск прочитала я впервые под обложкой «Граней». Читать его я могла только через «ахматовскую радугу слёз». Сколько дорогих имён! Какие ассоциации!

С нетерпением открываю «Грани» № 209. Авторы, по большей части, знакомые, можно сказать, даже родные: Белла Ахмадулина, Нина Бялосинская, Николай Панченко, Владимир Лазарев...

«Грани» упорно ведут свою линию, пытаюсь если не образумить человечество, то хотя бы назвать всемирное Зло злом, а не подавать его под

маркой добра. Мы-то знаем, какие ухищрения всегда зыбкой мысли пускаются в ход, чтобы этого достичь.

Перефразируя название эссе Владимира Лазарева «Свечи на ветру и голоса издалека» – и в этом выпуске, как и предыдущих и последующих, звучат дальние и ближние голоса, не гаснут даже на ветру поминальные и за здоровье всех живых зажженные свечи.

Тамара Жирмунская. Мюнхен. Германия.

...

Первые «Грани» я прочел очень давно, и они, первые, были напечатаны на папиросной бумаге, когда гордые нормандцы привезли эту информацию к нам, в Россию. Такая моя судьба – до сих пор встречаю людей, кто любит этот журнал, и помню тех, которые любили и которых, к сожалению, с нами уже нет...

И всё же в борьбе всяких литературных, политических и идеологических течений «Грани» по-прежнему остались теми же, что были шестьдесят с лишним лет назад. В этом журнале можно сказать вслух с надеждой, что тебя услышат. И я вижу в этом журнале не совсем одинокий корабль, а корабль, который наполнен одной компанией и знает всё – куда плыть, как плыть, в штиль и шторм, и особенно, большую волну...

Пусть нас качает, пусть штормит, пусть иногда тревоги и сомнения обуревают нашу команду. Единственно верный путь не поднимать никаких стягов – ни красных, ни белых...

Самый главный флаг – Любовь. Совесть, Правда, Истина.

Вячеслав Савельев. Париж. Франция.

...Начало «Граней» шло путями публицистики, сделавшей их плодом запретным и уже тем самым сладким и притягательным. Журнал приходил из-за кордона и будил мысль русского читателя, открывая глаза правдой взрывчатой и опасной, как... «Бритва обоюдоострая», и что-то от «Колокола» звучало на его страницах.

Когда же переменился ветер эпохи и кордоны разрушились, то сам собой развеялся притягательный аромат запретности и жесткого неприятия, манивший поклонников «Граней» на протяжении нескольких десятилетий.

Теперь же журнал, потерявший в своем анонсе слова «журнал общественно-политический» сохранил простое и благородное наименование журнала Литературного, который отличается от многих своих собратий особой взыскательностью в отношении того, что называют Высокой литературой.

Талантливейшие прозаики и поэты, мемуаристы и историки, критики и обозреватели представляют свое творчество на страницах «Граней», общая журналу лица «необщее выражение». Он идет от «Современника» Пушкина, продолжает его путь.

Подбор материалов сохраняет разнообразие при трудноопределимой общности, характерной чертой которой всегда была невозможность трюизмов, пошлости, избитых мест, при неизменной, как бы наследственной мысли, которая так и просится вступить в задушевный диалог с читателем.

Глеб Васильев. Москва.

...«Тарусские страницы» – Первый выпуск, предполагали выпустить тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров.

Такой «скачок» тиража – от предварительной рекламы в «Советской России» и нескольких высказываний об альманахе Константина Паустовского, в то время самого читаемого писателя.

Но и он, этот «скачок», оказался ниже читательского спроса. Калужский областной книготорг получил более одного миллиона заявок.

...Потребовалось несколько решений ЦК КПСС, запрещающих выпуск таких фактически «неподцензурных» альманахов, но они все равно выходили: в Ташкенте, Воронеже, Алма-Ате и других городах.

И везде, где-то что-то художественное издавалось – зазвучало честное Слово писателя.

Что же случилось сегодня? Почему двенадцать лет ломился к читателю Второй выпуск «Тарусских: страниц» – «Тридцать лет спустя»? И только с помощью другого, свободного журнала «Грани» «Тарусские страницы» снова мелькнули на книжных прилавках.

«Мелькнули», я не оговорился: не хватило денег на тираж, соответствующий спросу. Да и тот ли спрос сейчас?

Спрос тот, если не больше: сборник вышел в конце 2002 года, а я до сих пор слышу один и тот же вопрос – где достать «Тарусские страницы» Второго выпуска?

Дело в том, что в стране за последние годы произошло несколько неблагоприятностей для литературы и, прежде всего, коммерциализация литературно-издательского процесса. Отсюда вопрос – что издавать? – решает не талант, включающий в себя нравственную составляющую, а деньги.

Удивительно, что у «Тарусских страниц» при этом остался читатель. Денег нет, а читатель остался.

Да и как не остаться, если в новом альманахе предстоит встреча с Мариной Цветаевой, Всеволодом Ивановым, Виктором Шкловским, Константином Паустовским, Александром Солженицыным, Борисом Слуцким, Иосифом Бродским, Булатом Окуджавой, Осипом Мандельштамом, Надеждой Мандельштам и другими столь же великими писателями, определившими XX век отечественной культуры.

Николай Панченко. Москва.

Валерий Сендеров

«Если и все — то не я!»

Иосиф Виссарионович Сталин долго еще будет занимать ведущие места в опросах типа «Имя России». Те, кто предлагает не радоваться «всего лишь» третьему месту в рейтинге злейшего истребителя нашей страны, безусловно, правы. Правы *буквально*: да, конечно, повода для радости в этом нет. Но за обличениями «сталинистов» видится некоторая облегчающая отмашка, с которой согласиться нельзя.

В нашем отношении к Сталину есть нечто средневековое. Тогда было просто: либо ты выбираешь Бога, либо служишь сатане. И в обоих случаях всё очевидно. Особенно во втором: попытка понять, *почему* предметом выбора может стать сугубое зло, оказалась бы средневековому человеку бессмысленной.

В нашей сегодняшней, несредневековой системе оценок с Богом дела обстоят хуже: исповедуемые нами позитивные ценности явно не тянут на абсолют. Зато с нечистым всё по-прежнему ясно и очевидно. Да разве и не так? Разве Сталин не воплощение крошечного зла?

Воплощение. Но педалирование этого факта уводит нас от попытки объяснить феномен. Феномен устойчивой популярности сверхпреступника.

Пытаясь всё-таки сделать это, вынесем сразу за скобки сталинские злодеяния. Только лимоновские отморозки способны дубовато талдычить: «Сталин, Берия, Гулаг!». Средний же сталинопоклонник — человек всё-таки вменяемый: любит он Вождя вовсе не за его преступления. Можно, конечно, ограничиться гневной позой: «Но ведь он об этих преступлениях знает!». Знает, разумеется. Но такая уж вещь — история: многие и из нас, отнюдь не сталинистов, склонны закрывать глаза на тёмные и кровавые пятна на одеждах наших героев. Словом, какое Сталин ни чудовище, это не снимает главного вопроса: что именно в его образе — не так уж важно, подлинном или вымышленном — привлекает сегодня людей?

Неожиданно точный ответ я нашёл в статье одного из наших «патриотов». Мне не раз уже доводилось цитировать Михаила Юрьева, ярого апологета постсоветско-самостийного «русского пути». Цитировать в несколько насмешливом контексте; в данном же случае справедливость требует оставить насмешки в стороне.

«Всегда останется западный мир нашим смертным врагом... Это факт, и относиться к нему мы должны без лишних эмоций, просто как к внешнему обстоятельству жизни, вроде зимнего холода — абстрактно, может быть, оно и неприятно, но изменить нельзя, а приспособиться можно... Но отступление от этой золотой середины в два противоположных направления оценочно воспринимается народом совершенно по-разному: уклон в сторону излишнего противостояния — это, как максимум, ошибка (а может быть, и нет); а уклон в сторону объединительства

и экуменизма — это предательство своих корней и самой своей сути. Вот ровно поэтому никто не предлагает канонизировать Петра I... хотя он явно был великим правителем и завоевал много земель, в том числе у Европы. Потому что он заставлял одеваться и бриться на западный манер, говорить на их языках, перенимать их обычаи; в общем, он пытался сделать из России европейскую страну, которой мы не являемся, — пусть даже и ради того, чтобы стать сильными и побеждать ту же Европу. А Иван Грозный, хотя Ливонскую войну благополучно прогадил и вообще никого в Европе не победил, зато не пытался... слиться с ней в экстазе; его позиция, выраженная в ответе Курбскому: «Россия не Европа, б... сын, Россия — новый Израиль», и есть причина того... что его, убившего чудотворца святителя Филиппа, искренно предлагают — многие! — самого причислить к лику святых» (М. Юрьев. Отношение к Сталину и национальный консенсус. В кн.: Крепость «Россия». — М., 2008).

И правильно. И надо причислить. Святой не святой, а дело своё знал. Проиграем им, басурманам, всё вдрызг. Прогадим все соревнования, мирные и военные. Но чтобы *одеваться и бриться*, как они...

«Здесь уже не нужно задавать риторический вопрос, при чём тут Сталин: он искренне ненавидел западный мир, причём, в отличие от Ленина с Троцким, считал его не ареной приложения своих абсолютно космополитических идей, а источником всего вредоносного конкретно для России и её национальных интересов... И сегодня... именно эта часть мировоззрения и практической политики Сталина и привлекает к нему симпатии многих тех, кого от остального в нём тошнит — как же, при нём и Англия, и Америка дрожали от ужаса перед нами...

Вот это и есть... причина... нынешней сталиномании: он твёрдо стоял на враждебных позициях к западному, особенно англо-американскому миру, ни в малейшей степени не видел Россию частью европейской цивилизации и не стремился с ней сблизиться; более того, позиции именно этого мира в многовековом противостоянии с Россией при нём были самыми слабыми за всю историю — как же, все американские посольства в Европе имели планы эвакуации на случай русского танкового прорыва. Именно поэтому мы видим всплеск апологии Ивана Грозного и Сталина, а не трёх государей, заслуженно получивших прозвище Великих — Ивана III, Петра I и Екатерины II, хотя все они были не меньшими имперостроителями, чем Сталин, и точно большими, чем Грозный. И войну, жизненно важную для России, Сталин выиграл не первый в русской истории, и даже войну с противником, который до этого считался непобедимым, тоже не первый... Но непримиримость к западному миру (не враждебность или воинственность, а именно непри-

миримость), реальная или кажущаяся, отличает именно Грозного и Сталина. *И апология Сталина будет тем сильнее, чем сильнее будет пресмыкание нашего общества перед Западом...**

Но для тех, кому не нравится наш народ, у меня ответ один: билеты из России на все направления свободно продаются в кассах и турагентствах».

Выразительный текст Юрьева не однопланов. Автор не отождествляет себя с изображаемыми: такие его оценки как «сталиномания» говорят сами за себя. Но в главном – в воистину маниакальном антизападничестве – он вполне солидарен с народом.

Перед нами заново возрожденный устряловский подход. «Народ преклонился перед большевистской властью. Мы преклоняемся перед его преклонением». Так звучала знаменитая сменовеховская формула. Что ж, сегодня вопрос ставится мягче. Преклониться надлежит не перед сталинской властью. А всего лишь перед памятью Пахана – точнее, перед народным преклонением перед ней. Впрочем, к чему такие сложные цепочки? Всё можно: отрицать, критиковать, осуждать репрессии, не желать их повторения... Но *ненависть к Западу* – пункт, не допускающий разногласий, в нём сливаются патриотическая интеллигенция и народ. И никаких неясностей: кто не с нами – тот против нас!

Давайте разберёмся. Может быть – ничего не поделаешь – наш автор прав? В его тексте очевидные истины соседствуют с другими. Привычными. Стёртыми до состояния, близкого к очевидности.

Есть два ряда понятий. Пётр, Империя, культура, слава, честь; свобода, право, закон... Это один ряд, с гениальной простотой задал его в стихотворении Георгий Иванов. «Несколько поэтов. Достоевский. // Несколько царей. Орёл Двуглавый. // И – державная дорога – Невский...»

Общинность и соборность; почва, предание; народ, земля, обряд... Таково начало ряда второго; и какое высокое понятие ни назови – будет всегда ясно, к которому из рядов надлежит его причислить. Первый ряд называется «Россия». «Российская империя», чтоб неясностей не было. Второй существует в природе с названием кратким «Русь».

Писали об этой двойственности многие. Откроем, например, Петра Струве – блестящего полити-

ческого философа и публициста. «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самостоятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись... Если в Великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды» (П.Б. Струве. Великая Россия).

Не последний в России ум, как видим, просто-напросто уходит от «скользких» вопросов. А как быть, если посконная «правда» восстанет против неугодной ей «силы»? Если очень даже проспавшийся Пугачёв отнюдь не возжелает мириться и срастаться?

Нет уж. Благостного слияния не получается. Приходится выбирать.

Можно (кстати, оно и попроще) выбрать общинность-соборность. Но стоит учесть: билета на Вселенские Соборы вы не получите. *Эта* соборность – будет иной. Она будет колебаться между сладостной, но давно исчезнувшей аксаковской явью. И никуда не исчезающим пещерным сталинизмом. Что будет доминировать, угадайте сами.

А можно сделать иной выбор.

И лишь только эту альтернативу поймёшь – всё становится ясным.

Нет уж, господа патриоты. Не гоните нас из России. Всё равно ведь – не уедем: это наша страна. Страна не только демократически голосующих за Сталина пугачёвых. Но страна ещё и подполковника Михельсона – пугачёвскую гадину раздавившего. Он тоже – россиянин. Птенец гнезда Петрова. *Русский*, попросту говоря.

Конечно: в действительности всё не так просто. Не так плакатно. И мне справедливо возражат, что надо народ довоспитать до нации...

Соглашусь. Но для воспитания, для любого действия вообще – прежде нужно выбрать позицию. А она простая: одна из двух. Никакой третьей в природе не существует.

Из двух же обозначенных выше рядов лишь первый, имперский, может быть основой государственного мышления и строительства. Второй может оказаться с ним в гармонии – но лишь как производный, выводной. Взятая за основу, в отрыве от базового имперского корня общинность-народность оборачивается банальной ксенофобией в умелых руках политических публицистов. Ксенофобией не только по отношению к «внешнему врагу»: с железной последовательностью очерчивается она и на цветущую сложность внутреннего имперского устроения.

«Притворяться всечеловеками, ухаживать за враждебными инородцами, натаскивать в Россию евреев, поляков, армян, латышей, финляндцев, немцев, сдавать им постепенно все государственные и общественные позиции – вот что наши либералы называют имперской политикой. Нет, это не политика вовсе, это – самоубийство. Империя – как жи-

* Пресмыкательством перед Западом является, с точки зрения наших патриотов, весь русский европеизм. И не только с их точки зрения. «Петр... по причине своего ложного представления о способах совершенствования нации, сделался ни кем иным, как данником иностранных держав, подражателем голландцев, с дотошностью варвара копирующим чужую цивилизацию. Либо Россия не выполнит того назначения, какое, по моему убеждению, ей предначертано, либо в один прекрасный день Москва вновь станет столицей Империи: ведь в этом городе дремлют семена российской самобытности и независимости. Корень древа в Москве, и именно там должно оно принести плод». Эта горячая апологетика "московского плода московского древа", т.е. самобытного русского пути, принадлежит прославленному "руссофобу" маркизу де Кюстину. Никаким руссофобом маркиз в действительности не был: он просто, как и многие в Европе 1830-х годов, смертельно боялся европейской державы России...

вое тело – не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнтявым. *Русская Империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам*» (М.О. Меньшиков. «Нецарственный империализм». 1910 г.).

Так в начале XX века били по Империи ядрами народности. Справа. Левые народники лишь довершили процесс.

Закончить же эти размышления мне хочется примером из истории другой страны. В незапамятные 1990-е «Известия» опубликовали интервью с отставным немецким генералом, 20 июля 1944-го он передал Клаусу фон Штауфенбергу бомбу для Гитлера. Никто его не выдал, и ему удалось уцелеть. Генерал умер совсем недавно, он прожил долгую жизнь. И, наверное, счастливую. Совесть его была спокойна: он не был со своим народом. Над дверью его особняка выбит родовой девиз; я сделал его заголовком этой статьи.

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Соколов

Анатомия террора

Книга немецких историков Марка Юнге и Рольфа Биннера и российского историка Геннадия Бордюгова посвящена исследованию механизма Большого террора 1937–1938 годов на примере подготовки и реализации приказа НКВД № 00447. Рольф Биннер, к сожалению, не дожил до выхода книги. Он скончался 27 июня 2008 года. Памяти Бриннера и посвящена данная книга, содержащая большое количество впервые публикуемых архивных документов. Документы составляют примерно половину общего объема книги.

Авторы разрушают старый миф, созданный в годы «оттепели», согласно которому острие Большого террора было направлено против старых партийных кадров. В действительности главными жертвами террора стали кулаки, уголовники рецидивисты, бывшие участники белых армий и антисоветских повстанческих групп, бывшие эсеры, меньшевики и члены других российских антикоммунистических партий, а также иные целевые группы «социально-опасных элементов». Главным инструментом осуществления террора стал оперативный приказ НКВД № 00447, одобренный Политбюро 31 июля 1937 года и предусматривающий расстрел или заключение в лагерь почти 270 тыс. человек. Полностью приказ назывался так: «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Главной жертвой террора, как и во время проведения насильственной коллективизации в начале 30-х годов, снова стало крестьянство. При этом значительная часть крестьян репрессировалась не только в качестве «бывших кулаков», но еще и как бывшие участники антисоветских повстанческих формирований и белых армий, а позднее – еще и как «националистический элемент».

При этом проведение данной операции отнюдь не было инициативой руководства НКВД, как пытались представить еще во времена Сталина, списывая «необоснованные репрессии» на «перегибы» Ежова. Кстати сказать, тогда большинство репрессий все равно признавались «обоснованными». Сталин-то прекрасно знал, что никаких «перегибов» со стороны Ежова не было, тот лишь неукоснительно выполнял сталинскую волю. Ведь еще 3 июля Сталин передал Ежову и региональным руководителям НКВД принятое днем раньше решение Политбюро о начале кампании репрессий против бывших кулаков и уголовников. Затем местные органы НКВД предоставили в центр данные о том, сколько состоит на учете подлежащих репрессированию элементов, после чего и был издан приказ с установлением конкретных количественных лимитов по отдельным регионам по 1-й и 2-й категории. 1-я категория означала расстрел, 2-я категория – заключение в лагерь. Для проведения массовых репрессий создавались внесудебные «тройки», в которые входили, как правило, начальник УНКВД, первый секретарь ЦК союзной или автономной республики или первый секретарь обкома, крайкома или райкома партии и прокурор района, области, края или республики. На практике в составе «троек» чаще всего входили не первые, а вторые секретари райкомомов, крайкомов и т.д., а также не начальники управлений НКВД, а их заместители, равно как и заместители прокуроров. Однако весь ход операции, равно как и величину лимитов на репрессии контролировали первые секретари региональных парторганизаций и начальники региональных управлений НКВД. При этом в проведении репрессий особо отличился Хрущев, позднейший творец «оттепели» и связанных с ней мифов насчет репрессий. Первые полгода выполнения приказа № 00447 он возглавлял крупнейшую Московскую парторганизацию. Там он еще 10 июля 1937 года запросил лимит на репрессии – 8 500 по 1-й категории

* Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции НКВД по приказу № 00447. – М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

и 32 805 – по 2-й, в тот же день утвержденные Политбюро с уменьшением общего числа репрессируемых до 35 000. В январе 1938 года был назначен главой коммунистов Украины. Свою деятельность на новом посту Никита Сергеевич начал с того, что, как отмечается в книге, увеличил лимит по Украине на 30 000 человек. Такое беспрецедентное во время Большого террора решение было принято Политбюро 17 февраля 1938 года. При этом руководству Украины было предоставлено право самим определять соотношение между 1-й и 2-й категориями репрессированных. В результате почти все из 30 тыс. дополнительно репрессированных были расстреляны. Например, по Винницкой области «судебная тройка» с 26 марта по 10 мая 1938 года осудила 3 427 человек, из них по 1-й категории – 3 200 человек. Еще более впечатляющими были результаты и в Полтавской области, где за тот же период все 3 100 человек, прошедших через «тройку», были приговорены к расстрелу. Авторы книги пытаются несколько приуменьшить роль Хрущева в репрессиях на Украине, подчеркивая, что увеличение лимита «вероятно, по настоянию Ежова, посетившего Киев в середине февраля». Однако они признают, что назначение Хрущева 27 января 1938 года первым секретарем ЦК Компартии Украины, равно как и последовавшее двумя днями позже назначение А.И. Успенского главой украинских чекистов стали факторами, способствовавшими усилению террора на Украине. Да и из самой книги следует, что запросы на увеличение лимитов с мест всегда шли за подписью первых секретарей региональных парторганизаций. В книге также утверждается, что «Москва передала руководству НКВД Украины право самостоятельно разделить этот чудовищный контингент на 1-ю и 2-ю категории». Однако процитированные выше примеры по Винницкой и Полтавской областям, взятые из той же книги, доказывают, что соотношение категорий на местах определялось «тройками», то есть происходило с участием партийных органов.

Авторы книги отмечают также, что с приездом Хрущева на Украину расширились целевые группы операции. Среди репрессированных появились офицеры петлюровской и гетманской армий, бывшие члены партии боротьбистов и бывшие участники украинских националистических организация. С началом 1938 года в проведении операции все большую роль играл национальный фактор. Одной из главных целевых групп стали «буржуазные националисты». Как подчеркивают Юнге, Бордогов и Биннер, «с февраля 1938 г. главным направлением удара в деятельности НКВД стали «национальные операции» – вторая массовая операция эпохи Большого террора». Об этой операции сообщается, что «преследование контрреволюционных национальных контингентов» началось 25 июля 1937 г. с оперативного приказа № 00439 против немецких граждан, занятых в военной промышленности и на транспорте, затем последовали... приказы против поляков, харбинцев, латышей, греков, а также иранцев (29.01.1938)... афганцев

(16.02.1938)... Кроме этого, в рамках «национальных операций» преследовались также финны, эстонцы, румыны и болгары, в основной своей массе – советские граждане этих национальностей». Авторы книги почему-то пропустили литовцев, корейцев и китайцев, также репрессированных в рамках операции по «национальным контингентам». Нетрудно заметить, что это фактически был геноцид, хотя это слово тогда еще не употреблялось. Ведь люди репрессировались по национальному признаку. Приказы на проведение операций по «национальным контингентам» касались представителей тех национальностей, которые имели собственные государства за пределами советских границ. Представителей же тех народов, которые считались «коренными» для Советского Союза, репрессировались по обвинению в «буржуазном национализме» в рамках проведения «операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Кстати сказать, процент приговоренных к расстрелу в рамках операции по «национальным контингентам» был выше, чем среди репрессированных согласно приказу № 00447 – соответственно 49,3 и 73,7%. Дело в том, что по «национальной линии» приговоры выносили не тройки, а «двойки», в составе представителей прокуратуры и НКВД, но приговоры «двоек» не приводились в исполнение немедленно, а подлежали утверждению в Москве Ежовым и Вышинским, да к тому же по «национальным контингентам» отсутствовали спущенные из Центра квоты разбивки на 1-ю и 2-ю категории. Поэтому члены «двоек» старались продемонстрировать перед Центром максимальную непримиримость к «врагам народа» из числа «неправильных» национальностей (См.: Павлюков А.Е. Ежов. Биография. – М.: Захаров, 2007. С. 325–326). В итоге в рамках реализации операций по «национальным контингентам» в 1937–1938 годах было осуждено к высшей мере наказания 247 157, или 36,3% всех осужденных к смертной казни за этот период. А в рамках операции по выполнению приказа № 00447, по подсчетам авторов книги, было приговорено к расстрелу около 350 тыс. человек, а еще около 450 тыс. человек было отправлено в лагеря. Это дает несколько меньшую, чем у Павлюкова долю приговоренных к высшей мере наказания – 43,8%.

Юнге, Бордогов и Биннер справедливо полагают, что «отраженная в докладе Ежова (сделанном в Киеве 15 февраля 1938 года перед украинскими чекистами. – Б.С.) тенденция – концентрация репрессивных усилий органов на “других контрреволюционных элементах” и при этом практически полное отсутствие упоминаний о внутривластных проблемах, в то время как самым главным паролем становится угроза извне – проявилась и в телеграммах партийных лидеров областей, краев и республик, в которых они ходатайствовали об увеличении лимитов. На первый план в них также выступали социал-революционеры, белогвардейцы и националисты, а в качестве обоснования назывались обеспечение безо-

04/2009

пасности границ, устранение потенциальных повстанческих элементов и безопасность транспорта. Только в исключительных случаях речь шла о необходимости устранения уголовников-рецидивистов или о борьбе с бандитизмом». Такое совпадение объясняется просто. Люди на местах благодаря речи Ежова получили ясный сигнал об изменении целевых групп репрессий и быстро сориентировались. Так, в отчете о проведении операции по приказу № 00447 от 28 марта 1938 года в Калининской области в качестве основных мотивов увеличения лимитов для репрессий преобладало обеспечение безопасности военной промышленности, аэродромов, железнодорожных узлов и магистралей. Подобная переориентация репрессий была вполне объяснима. На первом этапе основной удар был направлен на две наиболее многочисленные целевые группы – «кулаков» и уголовников-рецидивистов. В значительной мере это диктовалось внутривластными соображениями – предстоящими 1 декабря 1937 года выборами в Верховный Совет, которые должны были проходить по новой сталинской конституции, предоставлявшей всем гражданам без каких-либо ограничений право избирать и быть избранными в высший орган власти. Между прочим, существование внесудебных «троек» и «двоек» полностью противоречило ст. 127, согласно которой аресты граждан могли производиться только с санкции суда или прокуратуры, чем и объяснялась строгая секретность в проведении операций по выполнению приказа № 00447 и по репрессированию «национальных контингентов». У Сталина и других могли существовать опасения, что «кулаки» и уголовники не будут голосовать за кандидатов «единого блока коммунистов и беспартийных», и даже, чем черт не шутит, попробуют вести устную агитацию против них. Конечно, решающего значения для исхода выборов это иметь не могло. Важно было ведь не как голосуют, а кто считает, и в условиях, когда на одно место был всего лишь один кандидат и отсутствовала свобода слова, в победе одобренных партийными органами кандидатов сомневаться не приходилось. Тем не менее, «изъятие» уголовников и «кулаков» должно было облегчить задачу избирательных комиссий по получению близкого к 100-процентному результату выборов.

Но все-таки обеспечение проведения выборов в Верховный Совет СССР не было главной задачей приказа № 00447. Эта задача фактически была прямо обозначена на втором этапе проведения соответствующей операции. Сталин готовился к скорой войне и стремился избавиться от всех потенциально неблагонадежных элементов, к которым также относились «кулаки» и рецидивисты, а также «национальные контингенты», подозревавшиеся в нелояльности к России. Бывшие деятели внутрипартийных оппозиций и казавшиеся неблагонадежными старые большевики под действие приказа № 00447, как правило, не попадали. Их репрессировали преимущественно через Особое совещание и Военную коллегию Верховного Суда.

В книге отмечается, что в случае с операцией по претворению в жизнь приказа № 00447 «речь идет о заранее спланированном Советским государством, бюрократически организованном и осуществленном с соблюдением тайны и под максимально возможным контролем массовом преступлении». Авторы пытаются ответить на вопрос, «были ли органы НКВД только инструментом операции или ее действующим лицом». То, что Большой террор был инициирован партией, а точнее – лично Сталиным, по прочтении книги не вызывает никаких сомнений. Также не вызывает сомнений, что в нем участвовали не только органы НКВД, но и партийные руководители, и органы прокуратуры. Остается лишь вопрос о том, могли ли Ежов и руководители НКВД на местах кого-либо произвольно добавлять в список тех, кто подлежал репрессиям, а также произвольно увеличивать или уменьшать число репрессированных. Механизм функционирования «троек» показывает, что такие возможности были весьма ограничены. Ведь НКВД составлял списки репрессированных в тесном взаимодействии с местными партийными органами, а действия Ежова постоянно контролировал лично Сталиным. Прекращение операции, как и ее начало, произошло по инициативе Сталина в тот момент, когда он решил, что ее основные задачи выполнены. Свертывание репрессий и замена Ежова Берией были проведены вполне планомерно и гладко. Как отмечают авторы книги, тезис о том, что органы НКВД в какой-то момент вышли из под контроля партии и стали совершать «ошибки», развившиеся в репрессиях против невинных людей, был пущен в ход с одобрения Сталина, также как и термин «ежовщина» для обозначения массовых репрессий 1937–1938 годов. Разосланное 17 ноября 1938 года региональным партийным руководителям и руководителям местных управлений НКВД решение Совнаркома «Об арестах, прокурорском надзоре», принятое на следующий день после упразднения «троек» и «двоек», характеризуется в книге следующим образом: «...Сталин и Молотов подвели положительный итог кампании репрессий против бывшей внутрипартийной оппозиции (троцкистов и бухаринцев). Позитивно оценили и массовые репрессии против кулаков, уголовников, антисоветских элементов, национальных контрреволюционных контингентов. Однако затем они подвергли острой критике совершенные в этом контексте НКВД и Прокуратурой «ошибки» и вызванные этим «нарушением революционной законности», в конечном счете, воспрепятствовавшие полной победе над врагами. Были заклеены отказ от сбора доказательного материала для изобличения врагов народа, необоснованные и противозаконные массовые аресты и многочисленные нарушения самых элементарных норм в ходе следствия. По поводу обычной в 1937–1938 гг. практики получения признаний с помощью пыток резолюция партийного и государственного руководства, по вполне понятным причинам, хранила молчание... В соответствии с интерпре-

тацией Сталина и Молотова, названные эксцессы были вызваны, в конечном счете, врагами, проникшими в НКВД и Прокуратуру. Так выглядел механизм приписывания вины, вновь и вновь использованный в сталинском дискурсе 30-х гг. Этим врагам, как утверждалось в документе, «удалось вырвать спецслужбы и прокуратуру из-под контроля партии». Тут стоит заметить, что утверждение, будто из-за проникновения врагов народа в органы НКВД и прокуратуры не удалось довести до конца операцию по искоренению врагов народа по всей стране, создавало основание для проведения новых кампаний массового террора в будущем, если в этом возникнет необходимость. И секретное решение от 17 ноября было направлено сразу 14 тыс. адресатов, что указывает на важную пропагандистскую составляющую этого документа.

Юнге, Бордюгов и Биннер подчеркивают, что «ни инструменты осуществления массовых репрессий, ни направление их главного удара никогда в 1939–1941 гг. не были поставлены под вопрос. Критиковалось только их плохое проведение. В этом имеется своя внутренняя логика, поскольку с лета 1938 г. процессами над сотрудниками тайной полиции и милиции, а в октябре – учреждением следственной комиссии всем был дан сигнал, что центр не намерен терпеть отклонения от “корректной” процедуры следствия. Таким образом, послание власти гласило: только контролируемые государством и упорядоченные государством являются допустимыми и правильными репрессиями». В книге приводятся малоизвестные примеры воссоздания внесудебных «троек» в годы Второй мировой войны. Так, 14 марта 1943 года по ходатайству местных партийных и чекистских органов Политбюро учредило «тройку» для Узбекистана, а 25 мая того же года – для Киргизии. В Узбекистане «тройка» осудила 50 человек по обвинению в хищениях социалистической собственности, а в Киргизии – 150 человек «в целях пресечения бандитизма, грабежей, злостного хулиганства».

В книге отмечается, что «восстановление “социалистической законности” не означало последовательного расследования совершенных нарушений закона, которые в условиях новой конъюнктуры теперь квалифицировались как преступления. Речь шла не столько о восстановлении права и правового сознания, сколько о приспособлении (восстанавливать, по сути было нечего, поскольку ни настоящего права, ни правосознания в СССР и до 1937 года не было. – Б.С.). Это в особенности подчеркивает выборочное привлечение к уголовной ответственности сотрудников НКВД. В 1939 г. из органов было уволено 7 372 сотрудника (23% от численности оперативных сотрудников), но только 937 были арестованы. Наказание сотрудников низшего звена, как правило, было символическим. С помощью прокуратуры и партии тайная полиция и органы милиции снова заняли свое привычное место в советской системе власти, а их аппараты снова оказа-

лись под контролем прокуратуры. Одновременно партийное руководство очищалось от какой-либо ответственности за репрессии». Авторы книги полагают, что ошибочным является впечатление, будто «большая часть сотрудников НКВД и милиции может быть освобождена от ответственности за совершенные преступления. На эту позицию, трактующую органы НКВД исключительно как только получателя и исполнителя приказов, особенно ярко представленную О. Мозохиным, можно возразить тем, что НКВД, равно как и милиция, являлись привилегированной и неотъемлемой частью системы. Их сотрудники были носителями сталинской идеологии. Именно НКВД и милиция располагали в 1937–1938 гг. большой свободой действия. Эта позиция оставляет также вне внимания важнейшую роль низшего звена органов НКВД (и милиции), районных и городских отделений, которые использовали предоставленную приказом № 00447 возможность почти без обременительного контроля и трудоемкого следствия избавиться от людей, каким-либо образом попавших в их поле зрения». Они опираются на концепцию «воплощенной власти», предложенную немецким историком Юргеном Заруски. Согласно этой концепции, в случае широкого переноса компетенции и полномочий из центра на подчиненные институты наблюдается «частичное созвучие мотивов вождя и подчиненных», причем идеологическое единодушие играет не последнюю роль. Тут можно возразить, что, не отрицая преступлений сотрудников НКВД (само участие в массовом внесудебном терроре является преступным для всех его участников), не стоит преувеличивать степень самостоятельности НКВД. Даже в условиях отсутствия прокурорского надзора чекисты не могли совсем уж произвольно формировать расстрельные списки. Им приходилось опираться на имевшиеся у них данные оперативного учета. Нельзя было и просто так вставлять в списки лиц известных, потому что решение об их судьбе принималось политическими инстанциями, вплоть до Сталина и Политбюро (имеются так называемые «сталинские списки» с десятками тысяч фамилий). Не говоря уже о том, что другие члены «тройки» имели такую же возможность, как и представители НКВД, добавлять или убирать из списков те или иные фамилии. Фальсификация же следствия была отнюдь не злоупотреблением чекистов, а прямо диктовалась им партийным руководством, поскольку массовость террора и сжатые сроки производства операции исключали производство нормальных следственных действий. Точно так же изначально предполагалось, что в списки попадут люди, подозрительные или неугодные НКВД по тем или иным основаниям. В большей мере злоупотребления могли касаться присвоения имущества, в том числе квартир расстрелянных или отправленных в лагеря людей, но такого рода злоупотребления совсем не были причиной прекращения террора. Также вряд ли можно считать привилегированной частью советского об-

щества всех сотрудников НКВД. Это безусловно справедливо в отношении начальствующего состава, но вряд ли можно считать привилегированным сословием рядовых надзирателей, бойцов конвойных войск или милиционеров-регулирующих. Не стоит преувеличивать и степень идеологического единства между партийным руководством и сотрудниками НКВД. Конечно, немало чекистов верили, что расправляются с настоящими врагами народа. Но ведь тот же Сталин прекрасно знал, что никакой реальной вины у подавляющего большинства репрессированных нет, и расстреливают их на всякий случай. Тот же Берия был просто циником,

не веривший ни в идеалы социализма, ни в виновность подавляющего большинства репрессированных, что не мешало ему успешно проводить в жизнь приказ № 00447 в Грузии. И, подобно ему, многие чекисты участвовали в массовом терроре, зная о невиновности репрессированных, но исходя из карьерных соображений, или из страха, что сами подвергнутся репрессиям, если не будут усердно исполнять приказ № 00447, либо потому, что верили, что репрессированные могли бы стать врагами в будущем. Многообразие мотивов архитекторов и исполнителей Большого террора не позволяет говорить об их «идеологическом единодушии».

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Провинциальная школа

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

К Вам обращаются учителя Муниципального Общеобразовательного учреждения «Средней общеобразовательной школы №2 города Боровска» Калужской области.

Мы вынуждены обратиться к вам, так как куда бы мы ни обращались, дела до нас нет ни районным властям, ни областным.

Уже два года проводится реформирование оплаты труда учителей. Принят федеральный закон об образовании, но, как мы поняли, у нас этот закон не исполняется. С «высоких трибун» мы постоянно слышим, что регулярно происходит повышение заработной платы учителей. В реальной же ситуации в 2008 – 2009 учебном году в связи с новой формой оплаты труда наша зарплата снизилась и составляет в среднем 9 тысяч рублей. В декабре прошлого года нас проинформировали, что увеличение зарплат должно произойти за счёт средств выделенных дополнительно в фонд стимулирующих надбавок и доплат. На деле же этот фонд расходуется на доплату до прожиточного минимума обслуживающему персоналу школы. Учителя не получили ни копейки из этого фонда. Хотя губернатор нашей области Артамонов А.Д. доложил Путину В.В., что учитель в Калужской области получает не менее 18000 рублей, но в нашей школе такой зарплат нет.

Вот конкретные примеры:

Учитель начальных классов – наполняемость класса 18 человек, высшая категория, стаж 15 лет, оплата за проведённые часы – 6093,03 рублей.

Учитель начальных классов – наполняемость класса 18 человек, вторая категория, стаж – 14 лет, оплата за проведённые часы – 4753,85 рублей.

Учитель иностранного языка – высшая категория, нагрузка 23 часа в неделю, стаж – 31 год оплата за проведённые часы – 8463,51 рублей.

Учитель истории – вторая категория, нагрузка – 28 часов в неделю, стаж – 19 лет, оплата за проведённые часы – 8391 рубль 86 копеек.

Учитель вынужден либо искать подработку, либо брать большую нагрузку (2-3 ставки, т.е. более 30 недельных часов). Но ведь учитель – профессия особая, мы продолжаем работать и дома: проверим тетради, готовимся к урокам, на что при добросовестном отношении уходит даже у опытного педагога 2-3 часа в день. Средний возраст учителей 50 лет. За последние 15 лет в нашу школу не пришло ни одного молодого специалиста, а часть педагогов вообще ушли из школы на достойно оплачиваемую работу. Учитель не имеет материальной возможности купить хорошую одежду, поправить своё здоровье в санатории, приобрести шестидневную и

художественную литературу и просто достойно жить. Престиж учительской профессии резко снизился.

Мы возмущены тем, что труд учителя оценивается так. Компьютеризация учебного процесса нас, можно сказать, не коснулась. В нашей школе всего несколько компьютеров, да и те давно устаревших моделей. У нас нет никаких современных технических средств обучения, работаем исключительно с мелом и доской.

Все выше сказанное отрицательно влияет на качество образования, учителя морально угнетены. Мы убеждены, что кто проводит реформы в образовании, абсолютно не знает истинного положения дел в школах. Наше правительство должно четко понимать, что будущее государства — это те, кто сейчас сидит за партами, а формировать умное, знающее, высококвалифицированное поколение должны педагоги, имеющие возможность работать творчески и чувствующая, что их труд нужен стране, что их уважают и считают достойными людьми. Это просто абсурд, что учителя, проводя уроки, ждут муть пользы или иной какие-то другие средства к существованию!

Свободную, творческую личность может воспитать только свободный и творческий педагог!

Надеемся, что Ваша реакция, Ваша помощь помогут изменить положение учителей не на словах, а на деле и, значит, будут способствовать перспективному развитию и нашего региона и всей нашей страны — России.

- Дрозд - / Дроздова Наталья Геннадьевна - учитель нач. классов /
- Маслова Наталья Александровна - учитель нач. классов /
- Козлова Елена Александровна - учитель нач. классов /
- Иванова Вера Ивановна - (уч. нач. классов)
- Сидорова Валентина Степановна (учитель нач. классов)
- Иванов Николай Викторович - зам. директора по ТБ /
- Сидорова Наталья Владимировна - учитель нач. классов /
- Кирилова Ирина Александровна - учитель нач. классов /
- Иванова Светлана Николаевна - зам. директора по ТБ /
- Иванов Василий Иванович - учитель нач. классов /
- Иванова Мария Евгеньевна - учитель нач. классов /
- Иванова Ирина Александровна - учитель нач. классов /
- Иванова Татьяна Александровна - учитель нач. классов /
- Иванова Людмила Александровна - учитель нач. классов /

Иванова Ирина Александровна - учитель нач. классов /

Иванова Мария Евгеньевна - учитель нач. классов /

Юлия Садовская

Николай Николаевич Никулин (07.04.1923–19.03.2009)

*«...Непримиримость всё простивших,
Не позабывших ничего».*

Г. Иванов

Когда Николай Николаевич Никулин заходил в аудиторию или в кабинет искусств, все затихали и как-то вытягивались. Не из страха, нет, – просто в его присутствии невозможно было быть легкомысленными и шумными. Спокойное, строгое, красивое, благородное лицо, аристократичность всего облика. Кто-то сказал мне, что он был сильно ранен в войну. Он почти уже не преподавал у нас, разве что прочел раз-два консультации; был завкафедрой зарубежного искусства в Академии, работая одновременно в Эрмитаже. Еще принимал у нас аспирантские экзамены. Так же строго, спокойно, невозмутимо. Дотошно выяснял у меня, знаю ли я что-либо «сверх» стандартных знаний, что-то не из учебников, а из ткани жизни усвоенное. Про Петрова-Водкина спросил, узнав, что я из Москвы: а какие работы в экстерьере зданий есть у него в Петербурге.

Ну и конечно – «Золотой век Нидерландской живописи»...

А затем друзья мне дали прочесть рукопись «Воспоминаний о войне», она ходила в машинописном виде в околоакадемических кругах. И образ человека развернулся, вырос. Стало ясно, откуда аристократизм и неприступность, снисходительность и угадываемое внутреннее страдание.

В адском котле XX века, во Вторую мировую особенно, всегда находились люди, всем мироощущением, мыслями и поступками не подчинявшиеся ни массовой идеологии, ни голосу толпы, имевшие ясный рассудок и внутренний императив своих действий. Имевшие смелость поступать согласно внутреннему кодексу поступков, будучи в погоне рядовых. Или младших офицеров. Таков и В. Астафьев, в «Проклятых и убитых», таков Н.Н. в своих воспоминаниях.

Ясность, жесткость, суровость воспоминаний, взгляд «сверху», словно с птичьего полета, без разделения на «наших»-«не наших» (немец Вермахта вызывает больше симпатии, чем преступный офицер Красной Армии) говорят об одном: система ценностей этого человека была на порядок выше ординарной психологии большинства и была обусловлена соображениями высшего порядка. Так же мыслили и Штауфенберг с соратниками, преступая военную присягу. В этом заключен подлинный патриотизм и абсолютное неприятие подлости и лжи.

Николай Николаевич очень долго не хотел публиковать свои воспоминания. У него было на то немало причин, и не мое дело касаться этого. Однако это произошло. Ради нас. Ради будущей России. Поскольку здоровая нация может существовать тогда, когда зло и добро четко названы своими именами. Без размытости, как есть. Возможно, главная роль Н.Н. Никулина в истории России, при всей ценности его искусствоведческих работ, заключена в этой книге, оставленной потомкам.

Отпевание прошло в академическом храме св. Екатерины. Храм был полон. Похоронен Николай Николаевич на Смоленском кладбище.